

Авантюрная мелодрама

Литон **ЛЕОНТЬЕВ**

**ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК
НОСТРАДАМУСА**

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Воздушный замок Нострадамуса

«ЭКСМО»

2007

Леонтьев А. В.

Воздушный замок Нострадамуса / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2007

Софья Ноготкофф была счастлива – ей предложили престижную должность куратора выставки великокняжеских драгоценностей в маленькой южноамериканской стране. С подготовкой торжественного мероприятия девушка справилась прекрасно, но все в одночасье рухнуло: музей ограбили. Теперь карьере Софьи конец! Могла ли она подумать, что потеряет не только должность, но и свободу, ведь обвинили в преступлении... куратора выставки! Скорым и неправым судом Софью приговорили к пожизненному заключению. Только в тюрьме девушка догадалась – она стала жертвой изощренной интриги, а настоящие преступники остались на свободе, наслаждаются жизнью и большими деньгами. И все забыли о Софье. Кроме журналиста Макса, сына комиссара, который вел ее дело...

© Леонтьев А. В., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Антон Валерьевич Леонтьев	5
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Антон Валерьевич Леонтьев

Воздушный замок Нострадамуса

Софья не была суеверной, однако пятница, тринадцатое марта, началась кошмарно. Она точно помнила, что завела будильник на половину седьмого утра – аудиенция в музее была назначена на восемь тридцать, и ей с лихвой хватило бы двух часов, чтобы неспешно подняться, принять контрастный душ, позавтракать, одеться и добраться до здания музея, расположенного в каких-то полуторах километра от ее квартиры.

Ночь прошла на удивление спокойно: Софью не мучили кошмары, она ни разу не проснулась, тревожно взирая на циферблат, а когда открыла глаза, то с ужасом увидела на электрическом табло темно-зеленые цифры – семь двадцать шесть!

Она подскочила и бросилась в ванную. Как такое могло произойти? Ведь она прекрасно помнила, что ставила будильник – не хватало еще опоздать на прием к «императрице Эстелле»! Та ненавидит, когда подчиненные (а Софья была ее подчиненной!) приходят хоть на минуту позже, чем это положено. Но более всего Эстелла не любит ожидать в своем кабинете: она всегда поднималась ни свет ни заря, и аудиенции назначала ранним утром, и горе тому, кто смел появиться чуть позже!

Софья, забравшись в душевую кабинку, повернула кран – на нее хлынули потоки ледяной воды. Девушка взвизгнула и тут же ощутила жар – холодные струи немедленно сменились почти кипятком. Через пять минут она стояла у большого зеркала, пытаясь высушить волосы. Фен отчего-то не работал, хотя еще сутки назад был исправен. Отшвырнув его, Софья побежала на кухню.

Времени хватало, чтобы наскоро выпить кофе – о завтраке можно было забыть. Неужели бабушка права и судьба иногда насмехается над людьми? Ведь если сегодня Софья заставит Эстеллу ждать, то новое место ей ни за что не получить.

В том, что Эстелла собирается предложить ей должность заместителя куратора выставки великокняжеских реликвий, Софья была уверена на сто процентов. А ведь это шанс, о котором она мечтала уже давно! Пока что судьба была к ней милостива – Александра, правая рука Эстеллы, которой и надлежало сделаться заместительницей директрисы, внезапно заболела, и Софья знала: ведутся усиленные поиски нового кандидата.

Она быстро оделась в строгий темно-красный деловой костюм от Шанель. Софья позволила себе чашку кофе, и в этом заключалась ее ошибка. Одно неловкое движение в спешке – и темная жидкость выплеснулась через край. Девушка в ужасе устремила к зеркалу: так и есть, большое пятно растеклось и по блузке, и по юбке! Предстать в таком виде перед грозным взором Эстеллы – немыслимо!

Софья распахнула шкаф, судорожно выбирая другую одежду, и в конце концов остановила свой выбор на красивом, но несколько фривольном платье, больше подходящем для приема, чем для предстоящей экзекуции в кабинете директрисы музея. Софья быстро переоделась. В животе у нее урчало, но она решительно отказалась от мысли насладиться утренним кофе.

Часы показывали четверть девятого, когда девушка выбежала из квартиры и, захлопнув дверь, вспомнила, что ключи остались торчать в замке с обратной стороны. Да что ж такое! Неужели в пятницу, тринадцатого, все, буквально все, против нее? И еще она вдруг услышала трезвон телефона – кто-то пытается ей дозвониться. Неужто уже из музея?

Она резво спустилась по лестнице, едва не столкнувшись с соседкой, мадам Нивуа, которая поднималась ей навстречу. Приветливо улыбнувшись и пробормотав «Bonjour, madame» (дама притворялась глуховатой и никогда не отвечала на приветствия, однако стоило однажды не поздороваться, соседка, великая сплетница, начинала жаловаться всем и каж-

дому: «Меня попросту игнорируют!»), Софья пролетела мимо. Мадам Нивуа, державшая в руках большую корзинку, заполненную провиантом (она явно с утра пораньше прогулялась на рынок), вскрикнула. Обернувшись, Софья увидела, что корзинка валяется на ступеньках. Мадам заголосила:

– Милочка, как же вы невнимательны! Вы намеренно толкнули меня, старую, больную, одинокую женщину!

Софья была уверена, что мадам Нивуа, любившая изображать из себя немощную и несчастную старушку (в действительности ей не было и шестидесяти, а на ее счетах в различных банках наверняка лежит не меньше пары миллионов франков), лишь по вредности характера обвиняет ее бог знает в чем. Но подбежала к соседке и собрала раскатившиеся луковицы и картофелины.

– В следующий раз, моя дорогая, внимательнее относитесь к пожилым соседям! – назидательно заметила мадам Нивуа. Затем, схватившись за поясницу, она с деланным видом простонала: – Ах, мой радикулит! Софья, деточка, вы же не оставите меня одну с этой ужасной корзинкой!

Софья знала, что у нее остается меньше десяти минут на то, чтобы добраться до музея и предстать перед Эстеллой, но не бросать же мадам Нивуа! Пришлось подхватить довольно тяжелую ношу и, подлаживаясь под неспешный шаг дамы, отдохавшей через каждые две ступеньки, сопроводить на ее этаж. А когда Софья опустила корзинку на коврик около двери, мадам Нивуа безапелляционным тоном заявила:

– Вы должны выпить со мной кофе! Кстати, милочка, я разве не говорила вам, что мой племянник Анри на днях приедет в гости? Он наконец-то решил навестить свою несчастную бедную тетюшку!

Мадам Нивуа в течение полутора лет, которые Софья жила в одном с ней доме, не оставляла попыток сосватать ее за своего племянника. Один раз, поддавшись на уговоры мадам, Софья зашла к ней «на кексик», где и познакомилась с Анри. «Галантный юноша» оказался неловким насупленным субъектом с ранней лысиной и потными руками. Софья знала, что мадам очень бы хотела видеть Анри ее мужем, но девушке хватало благоразумия, получив новое приглашение «на кексик», отказываться и тем самым расстраивать планы хитрой сводницы.

– Мадам Нивуа! – воскликнула Софья, бросая взгляд на наручные часы (стрелки неумолимо приближались к половине девятого). – Благодарю вас, но я опаздываю на работу!

Соседка, вытащив громадную связку ключей (замков у нее было не меньше дюжины; она опасалась воров), сухо заметила:

– Не думала я, милочка, что вы будете так жестоки к пожилой даме. Но так и быть, увидимся на выходных. Мой Анри горит желанием увидеться с вами. Жду вас на кексик в воскресенье.

Софья, понимая, что отказаться невозможно (не может же она сказать, что в воскресенье тоже нужно работать), быстро попрощалась с соседкой и устремила вниз. Ей требуется такси! Будь у нее больше времени, она бы с удовольствием прогулялась пешком до центра княжества, но у нее всего лишь пять минут!

Обрадовалась, заметив вывернувшую из-за угла желтую машину, и отчаянно замахала рукой. Но автомобиль прокатил мимо – на заднем сиденье расположилась пожилая чета. Софья, понимая, что ее карьера висит на волоске, помчалась бегом.

Никогда еще ей не приходилось бежать так быстро. В великом княжестве Бертранском, расположенном на Лазурном побережье, не было принято перемещаться столь суетливо. Софья наткнулась на няnek, толкавших перед собой детские коляски, горничных, выгуливавших собак (одной псине, крошечной болонке, взбрело в голову залиться истеричным лаем, когда Софья пролетала мимо), служанок, возвращавшихся с рынка. Все одаривали девушку суро-

выми, полными неодобрения взглядами: еще бы, как она смеет нарушать неспешный распорядок в сытой и сонной стране площадью в десять квадратных километров!

Задышавшись и понимая, что все равно опаздывает, Софья вылетела на эспланаду, откуда открывался чудесный вид: над жемчужным морем зависли ажурные белые облака. И тут со стороны великокняжеского дворца послышались фанфары, а часы на старинной башне пробили половину.

Софья внеслась в вестибюль музея изящных искусств, когда часы показывали тридцать семь минут девятого. Узрев себя в зеркале, ужаснулась – десять минут кросса по закоулкам княжества не прошли бесследно для ее прически. Она раскрыла сумку, отыскивая расческу. Раздались шаги, и Софья услышала удивленный голос:

– Софья, вот вы где! Мадам фон Лаутербах и ее гости ожидают вас!

Личная секретарша Эстеллы в беспокойстве взглянула на молодую женщину. Софья, в растерянности, выпустила из рук сумочку, и на мраморный пол из нее полетели всевозможные вещицы: записная книжка, пудреница, портмоне.

– Мне очень жаль, – заикаясь, произнесла Софья.

Секретарша, критически осмотрев ее, произнесла:

– Вы же знаете, что мадам не любит ждать! Так что прошу вас следовать за мной!

Если Эстелла послала на ее поиски секретаршу, то это означает только одно: директриса вне себя от злости. Наскоро запихав в сумочку разлетевшиеся предметы, Софья спешила за секретаршей. Наконец оказалась около заветной двери, украшенной золоченой табличкой «Директор Музея Изящных Искусств Великого княжества Бертранского Эстелла фон Лаутербах».

Сжалившись, секретарша подошла к своему столу, вынула из ящика зеркало и расческу и протянула их Софье со словами:

– Приведите себя в порядок!

Затем она сняла трубку внутреннего телефона и сладким голосом произнесла:

– Мадам, Софья прибыла. Прикажете проводить? – Выслушав короткие наставления начальницы, секретарша повесила трубку и пояснила: – Вам велено подождать.

Софья тяжело вздохнула: значит, Эстелла решила сделать своим заместителем кого-либо другого. Всего лишь семь минут опоздания и... Но для мадам директрисы это было подобно святотатству и измене родине. В музее царили неписанные законы, соблюдать которые был обязан любой и каждый.

Опустившись на жесткий стул (по личному распоряжению директрисы из приемной убрали мягкие кресла), Софья сцепила руки и задумалась о том, что может произойти. Эстелла ведь способна и уволить ее, одного ее слова достаточно, чтобы карьера молодой княгини Ноготкофф-Оболенской завершилась! Музей изящных искусств в Бертроне был одним из наиболее авторитетных заведений подобного рода в Европе. Когда полтора года назад ей предложили место, то Софья, не задумываясь, согласилась. Эстелла фон Лаутербах, которая в течение последних одиннадцати лет возглавляла его, по праву считалась одной из самых влиятельных (даже, вероятно, самой влиятельной) дамой в мире искусств Старого Света. Она была ведущим мировым экспертом по эпохе Ренессанса. Племянница княгини Луиза-Аврора, кузина нынешнего правителя карликового государства, Клода-Ноэля, являлась ее закадычной подругой, Эстелла была знакома с миллиардерами, коронованными особами и звездами шоу-бизнеса, не говоря уже о том, что регулярно навещала Сальвадора Дали и Пикассо. Вызвать гнев Эстеллы означало одно: навсегда стать парией. И Софья была сейчас твердо уверена, что приложила все усилия, чтобы это произошло. Эстелла не просто уничтожала тех, кто смел вызвать ее недовольство, она давила их, как тараканов: как-то она отозвалась о творениях одного художника короткой фразой: «Примитивная мазня», – и все галереи отказались выставлять его работы. А вина несчастного заключалась в том, что он имел неосторожность на

одной из вечеринок сделать колкое замечание о внешности Эстеллы. Насколько Софья знала, бедняга, разорившись, попытался покончить с собой, но его откачали, закончил же свои дни бывший художник в сумасшедшем доме. Собственного предшественника на посту директора музея Эстелла, тогда его заместительница, свалила при помощи интриг. Анонимы титуловали ее «императрицей Эстеллой Грозной» и «Екатериной Медичи бертранского искусства».

Софья, тщетно пытаясь унять страх, замерла на стуле. Раздался пронзительный звонок внутреннего телефона. Секретарша подняла трубку и скомандовала:

– Мадам фон Лаутербак ожидает вас!

Чувствуя легкое головокружение, Софья подошла к двери и потянула ее на себя. Что ж, она станет еще одной жертвой Эстеллы. Терять ей больше нечего!

* * *

Тяжелая дверь (ходили слухи, что Эстелла намеренно заказала подобную) бесшумно открылась. Софья, пытаясь изобразить на лице радостную улыбку, шагнула в кабинет директрисы.

За те полтора года, что она жила и работала в Бертроне, ей посчастливилось побывать в святая святых всего два раза: за день до того, как она получила место, и несколько месяцев назад, когда Эстелле исполнилось пятьдесят и все сотрудники в столь знаменательный день явились поздравлять «императрицу».

Кабинет был огромным и с видом на море. Одна из стен была стеклянной, в помещение проникали ласковые лучи средиземноморского солнца. На белых стенах красовалось несколько полотен известных импрессионистов. Софья выпустила из пальцев ручку, и дверь с оглушительным ударом захлопнулась.

Эстелла восседала за большим столом, на котором каждый документ имел свое место. Директриса, облаченная в черный костюм (и только на отвороте воротничка сияла рубинами затейливая брошь), уставилась на Софью сквозь стекла очков без оправы. Прическа «императрицы» была идеальной, тонкие губы плотно сжаты, бледные пальцы покоились на кожаной папке.

По правую и левую руку от директрисы замерли ее гости – двое мужчин. Один из них, смуглый, с тонкими усиками, походил на латиноамериканца, другой – полный, с большой лысиной и крупным орлиным носом, чем-то напоминал недавно скончавшегося знаменитого режиссера Альфреда Хичкока.

– Мы рады, мадемуазель Ноготкофф-Оболенская, что вы не заставили нас ждать еще дольше, – процедила Эстелла, и у Софьи перед глазами поплыли черные круги. – Прошу вас, садитесь!

Софья прошествовала к старинному креслу, которое находилось напротив Эстеллы. Едва она опустилась в него, последовал первый вопрос. Южноамериканец произнес его на неплохом французском:

– Итак, вы обучались в Риме и Нью-Йорке... – Гость одобрительно покачал головой и продолжил: – Что ж, в свои двадцать пять лет вы можете предъявить отличный послужной список: практика в галерее Уффици, стажировка в венской Альбертине и русском Эрмитаже.

– А также в Лувре, музее Гугенхайма и мадридском Прадо, – добавила Эстелла.

Софья с удивлением посмотрела на директрису – неужели та решила ей помочь?

Слово взял господин с внешностью Хичкока:

– Мадемуазель, предположу, что вам известно: скоро в столице южноамериканской республики Коста-Бьянка откроется выставка драгоценностей династии Гримбургов, правителей Бертрона. По причине внезапной болезни заместителя куратора этой выставки мы, организаторы, оказались в затруднительном положении.

Эстелла, внезапно улыбнувшись, произнесла:

– Софья, я предложила на эту должность вас. Вы – моя лучшая сотрудница, и я уверена, что вы отлично справитесь с нелегким заданием. Сеньор Луардес специально прибыл из Эль-параисо, чтобы принять участие в выборе наиболее достойного кандидата.

Софья не поверила своим ушам. Эстелла не только проигнорировала ее опоздание, но и сама как будто убеждает своих гостей в том, что она и есть тот достойный кандидат.

– За те полтора года, что вы работаете под моим началом, я убедилась: вы чрезвычайно компетентны, умны и самостоятельны. А это именно те качества, которыми должен обладать человек, претендующий на должность заместителя куратора, – заявила директриса.

– Не скрою, мадемуазель, у нас было еще восемь других претендентов, с каждым из которых мы уже успели поговорить. – сеньор Луардес на секунду смолк. – Но вы, и тут я полностью согласен с мадам фон Лаутербах, более всего удовлетворяете нашим требованиям.

Софья перевела дух, а Эстелла произнесла:

– Как вы понимаете, организация и проведение подобной выставки связаны с множеством маленьких и больших проблем. То, что Александра сломала ногу, все усложняет. Но это ни в коем случае не может сказаться на сроках открытия экспозиции в государственном музее в Эльпараисо, директором которого является сеньор Луардес. Нам требуется человек, который сможет работать двадцать четыре часа в сутки, человек надежный и... гм... пунктуальный!

Софья зарделась.

– Уверен, что мы с вами сработаемся, мадемуазель! – добавил директор южноамериканского музея. —Ваша начальница, мадам фон Лаутербах, с самого начала поддерживала вашу кандидатуру. Остается непоясненным только один вопрос: согласны ли вы занять должность заместителя куратора выставки великокняжеских драгоценностей в Коста-Бьянке?

Согласна ли она? Софья знала – если все пройдет гладко (а сомневаться в этом не приходилось: она приложит все усилия, чтобы так и было!), то выставка станет ее триумфом, важным этапом карьеры. Эстелла когда-то тоже начинала с организации выставки, а теперь является самой могущественной дамой в мире искусства.

– Я почту за честь, – произнесла Софья.

– Вы говорите по-французски, по-испански, по-английски, по-итальянски, по-немецки и по-русски, – вступил в беседу господин с лысиной. – Отзывы из всех музеев, где вы работали, замечательные, сомневаться в вашей компетенции не приходится.

Мужчины обернулись к Эстелле. Та, сняв очки, произнесла:

– Уверена, Софья, что мы сделали правильный выбор и вы нас не разочаруете. Если вам требуется мое мнение, то я уже давно его высказала: мадемуазель Ноготкофф-Оболенская как нельзя лучше подходит для этой должности!

– Я полностью солидарен с вами, – поддакнул сеньор Луардес. – А что скажет представитель страховой компании?

Софья поняла – так вот кто такой второй мужчина, «Хичкок». Конечно, без участия в деле страховой компании не обойтись. Еще бы, великокняжеские драгоценности стоят многие миллионы!

– Думаю, что рекомендации мадам фон Лаутербах нам достаточно, – заметил он. – Вероятность того, что кто-либо попытается похитить драгоценности семейства Гримбургов, ничтожно мала, но исключать ее мы не можем, ведь так? Но это станет головной болью месье Новака, который будет отвечать за сохранность сокровищ.

Эстелла подвела итог разговора:

– Я рада тому, что мы пришли к единому решению. С этой минуты вы являетесь моей правой рукой, Софья. На следующей неделе вы полетите в Эльпараисо.

– Скажу по секрету, что вам предстоит весьма важная миссия, – сказал «Хичкок». – В том же самолете будут транспортироваться драгоценности короны. Но волноваться не стоит – их будут охранять профессионалы.

– Ваша задача – вместе со мной подготовить открытие выставки, – заметил сеньор Луардес.

– Ну что ж, Софья, вы можете быть свободны! – сказала директриса. – Завтра утром мы с сеньором Луардесом посетим великокняжеский дворец, договоренность об этом имеется.

Софья покинула кабинет. Все оказалось легче легкого! Она будет курировать выставку драгоценностей, что положит начало ее сногшибательной карьере!

Секретарша, завидев Софью, произнесла:

– Вам только что звонили!

– Что-то случилось? – спросила Софья.

Секретарша, кусая губы, произнесла:

– Боюсь, что ваша бабушка. У нее был сердечный приступ.

Софья побледнела – неужели дела у бабушки так плохи?

– Вот телефон мемориальной клиники, – сказала секретарша, пододвигая к Софье листок.

Та схватила трубку и дрожащими пальцами принялась набирать номер.

* * *

Эстелла фон Лаутербах, проводив гостей (нудного коллегу из Эльпараисо и дотошного страховщика из Лозанны), подошла к стеклянной стене. В бухте княжества белели яхты – весна пришла на Лазурное побережье.

Взгляд директрисы переместился на черную скалу, увенчанную неприступной крепостью. Тюрьма Святая Берта! В ней заканчивают свои дни преступники, которые нарушают закон. Хотя нет – там заканчивают свои дни те, кто преступает закон и позволяет себя поймать! Эстелла свято верила: оказаться в грязной тесной камере – удел неудачников, тупиц и лентяев. Жулики и воришки, попадающие в руки правосудия, стремятся к быстрой наживе и не утруждают себя тем, чтобы тщательно спланировать гениальное преступление.

Гениальное преступление, по мнению Эстеллы фон Лаутербах, заключалось не в том, чтобы украсть из музея, например, из ее собственного, шедевры кисти Ренуара, Ван Гога или Рембрандта и исчезнуть с бесценными картинами под покровом ночи. Миру известно великое множество подобных ограблений: даже если воры и сумели уйти, прихватив раритеты, то рано или поздно полиция выходила на их след. За этим следовали неминуемый арест, суд и тюремное заключение.

Эстелла методично собирала газетные статьи, в которых подробно освещались подобные дела. Во многих случаях похищенные ценности так и не находили: еще бы, грабители или продавали их за бесценок, или вообще действовали по заказу какого-нибудь чрезвычайно богатого коллекционера. Его имени бандиты не знали, потому что подобные люди всегда действуют через посредников, иногда через двух или трех. Воришки отправляются в каталажку на многие годы или даже десятилетия, а тот, кто завладел творением старого фламандца или безумного голландца, наслаждается картиной в личном музее, доступ в который открыт только ему одному.

Уже очень давно Эстелла поняла: тот, кто решит замыслить ограбление, должен презентовать полиции преступника. Правосудие, заполучив виновного, успокаивается, даже если похищенное не найдено. И мало ли кому воришка успел передать похищенное...

Поэтому, когда Эстелла фон Лаутербах замыслила организовать похищение великокняжеских драгоценностей, то первым делом задалась вопросом: кто будет расплачиваться за то,

что оно произошло? Ответ был очевиден – она сама! Еще бы, ведь именно она, Эстелла фон Лаутербах, по личной просьбе великого князя Клода-Ноэля Гримбурга заняла должность куратора выставки. Если с драгоценностями что-то случится, то это станет крахом ее тщательно выстраиваемой в течение многих лет карьеры. Вот если только... Вот если только с самого начала не будет понятно, что она, Эстелла фон Лаутербах, не имеет к ограблению никакого отношения! Тогда никто не посмеет упрекнуть ее не только в пособничестве бандитам, но даже в халатности. Грабители будут пойманы, драгоценности же бесследно исчезнут.

Эстелла с самого начала знала, что Софья Ноготкофф-Оболенская как нельзя лучше подойдет на роль жертвы. Эстелла невзлюбила Софью с первого взгляда (точнее, Софья ей очень даже понравилась, но в том-то вся проблема!) и будь ее воля, непременно бы уволила, но чертова бабка Софьи была закадычной приятельницей Беатриссы, матери великого князя, и, ко всему прочему, одной из крестных Клода-Ноэля!

Да и сама Софья была достойным представителем древнего княжеского рода, к тому же с хорошим образованием – ее с распростертыми объятиями принял бы любой крупный музей мира. Эстелла согласилась с тем, чтобы Софья получила место в музее изящных искусств великого княжества Бертранского, но с первой минуты видела в ней соперницу. Более всего Эстелла боялась, что когда-нибудь ей придется покинуть должность директрисы. И хваткая девица наподобие Софьи займет ее место!

Эстелла приложила неимоверные усилия для того, чтобы добиться всеобщего признания и практически безграничной власти. Она не любила вспоминать о том, что появилась на свет в бедной семье в Марселе. Примерно в шестнадцать лет юная Эстелла поняла, что ей не интересны мужчины, зато нравятся женщины. Но как она могла сказать об этом родителям! Ей пришлось оказывать знаки внимания богатым старикам, чтобы найти такого, который бы спонсировал ее обучение. Удовлетворяя потребности престарелого любовника, Эстелла мечтала о том, что когда-нибудь станет богатой и независимой художницей и найдет себе подругу. Профессор поставил крест на ее честолюбивых планах: художницей ей не быть, потому что таланта нет ни на грош. Эстелла могла копировать известных мастеров, но не была в состоянии создать что-то свое.

Поняв, что гениальной (впрочем, даже и посредственной) художницы из нее не выйдет, Эстелла решила стать музой: ведь имя Рембрандта неотделимо от Саскии, Густава Климта от Адели Блох-Бауэр, а Сальвадора Дали от Галы!

Но и тут Эстелла потерпела полную неудачу: по всей видимости, она не могла вдохновить кого бы то ни было на создание шедевров: ни мужчины, ни женщины не выдерживали рядом с ней дольше пары месяцев. А Эстелле хотелось денег, славы и признания! Когда же подвернулся австрийский барон Людвиг фон Лаутербах, старше ее на сорок пять лет, до чертиков богатый и до безумия увлеченный искусством, Эстелла сделала все, чтобы вскружить престарелому аристократу голову и сделаться его законной супругой.

Муж ее обожал, а она его ненавидела. При помощи его капиталов, солидных пожертвований и влиятельных друзей она превратилась в известную критикессу. После кончины барона (Эстелла много раз подумывала о том, что было бы хорошо отравить его, но старик умер сам от обширного инфаркта) молодая вдова стала работать над своим восхождением на Парнас. Зная всех и вся, щедро тратя деньги, она добилась того, чтобы ее начали бояться.

Когда великий князь Бертранский Виктор-Иоанн IV предложил Эстелле место заместителя директора музея изящных искусств, она моментально согласилась, зная, что не пройдет и пары лет, как она станет единовластной хозяйкой. Так и произошло.

Обретя все то, к чему стремилась, Эстелла ощутила себя опустошенной. Она забавлялась тем, что уничтожала репутации молодых художников, терроризировала подчиненных и блистала в высшем свете. Но рано или поздно (эта мысль не давала ей покоя!) она уступит пальму первенства. Допустить подобного Эстелла не могла. Софья ей безумно нравилась, долгое время

являлась объектом ее эротических фантазий, однако директриса быстро поняла: юная княжна высмеет ее, если она посмеет раскрыть перед ней свои чувства. И пламенная любовь сменилась уродливой завистью. Эстелла знала, что великий князь желает организовать в Бертроне новый музей и, не исключено, попросит возглавить его именно русскую красавицу. Да, Софья могла стать ее соперницей, а значит, ее требовалось уничтожить.

Похищение великокняжеских драгоценностей станет мировой новостью номер один. А полиция обнаружит ту, кто замыслил и осуществил дьявольскую операцию, – Софью Ноготкофф-Оболенскую. Что с ней произойдет в дальнейшем, Эстеллу не занимало. Конечно же, Софья станет твердить, что невиновна, но кто ей поверит?

Эстелла, подойдя к письменному столу, сняла трубку телефона и набрала номер, который был ей хорошо известен.

– Секретариат великокняжеского дворца, – раздался приятный мужской голос. – Добрый день, чем могу вам помочь?

– Это Эстелла фон Лаутербах, – заявила директриса. – Моего звонка ожидают!

– Ах, мадам, разумеется, я вас сейчас же соединю! – затараторил секретарь.

Эстелла давно привыкла к тому, что ее имя производит на людишек магическое воздействие. Однажды на одном из вернисажей маститый художник, которого Эстелла намеренно проигнорировала, не ответив на его приветствие, потерял сознание...

– Эстелла? – раздался между тем в трубке знакомый голос. – Ну как все прошло?

– Ваше высочество, – ответила директриса, – малышка согласилась. Еще бы, кто в здравом уме откажется от подобного предложения!

– А ваши гости, вы сумели убедить их? – с сомнением протянул собеседник.

Эстелла его успокоила:

– Софья прекрасный специалист, этого у маленькой мерзавки не отнять. Так что здесь проблем не будет.

– Значит, наш план... – запнулся обитатель великокняжеского дворца.

– О нашем плане не стоит распространяться по телефону, ведь так, ваше высочество? – перебила Эстелла. – Вы сами как-то соизволили обмолвиться, что во дворце полно любопытных ушей. Могу вас успокоить – Софья стала моей заместительницей и на днях вылетит в Эльпараисо.

– Забредите ко мне сегодня вечером на кофе, – сказал один из Гримбургов. – Тогда мы все и обсудим!

Эстелла повесила трубку и уставилась на яхты в бухте. Для чего она делает все это? Денег у нее из наследства покойного барона предостаточно, да и зарплата директора музея изящных искусств высока... Возможно, то, что случится в ближайшие недели, придаст ей новых сил и рассеет страх – страх потерять бывшее могущество.

Эстелла с треском захлопнула папку, лежавшую на столе. Она не завидует Софье – у этой красавицы из древнего русского рода скоро возникнут очень большие, поистине неразрешимые проблемы!

Взгляд директрисы скользнул по скале, на которой возвышалась тюрьма – бывший монастырь. Всего несколько лет назад одна русская наивная студенточка, дочь чрезвычайного и полномочного посла Советского Союза, попала с поличным: выяснилось, что она – шпионка. Ее без сантиментов приговорили к тридцати годам. Вполне вероятно, что она никогда не покинет стен Святой Берты. Участь Софьи страшней – ей придется умереть.

Эстелла улыбнулась и, почувствовав прилив сил, пододвинула к себе пачку бумаг, которые требовалось просмотреть и подписать.

* * *

– Бабушка! Бабушка!

Софья ворвалась в палату-люкс мемориальной больницы княжества. Она располагалась всего в трех кварталах от музея изящных искусств, поэтому девушке потребовалось меньше пяти минут, чтобы добраться до нее. Медсестра сообщила Софье, что мадам Ноготкофф-Оболенская размещена на третьем этаже, однако посетители к ней не допускаются. Но остановить Софью было не так-то просто. Она разыскала лечащего врача, профессора д'Атарье, который уверил ее, что повода для волнений нет: у мадам княгини случился легкий сердечный приступ, который был вовремя замечен компаньонкой, вызвавшей команду врачей.

– Дорогая, ты же видишь, что я все еще жива, – ответила по-русски бабушка.

Княгиня Елизавета Георгиевна Ноготкофф-Оболенская возлежала на широкой кровати, застеленной бельем нежно-абрикосового цвета. В палате попискивали приборы, Софья увидела капельницу, и сердце у нее защемило.

– Кто-то из твоей прислуги позвонил в музей и сообщил, что... – произнесла Софья.

Бабушка властно заметила:

– Они, как обычно, склонны к паникерству! Им не следовало отрывать тебя от работы! Как прошел твой разговор с Эстеллой? Надеюсь, ты получила место заместителя куратора выставки?

Софья давно привыкла к тому, что бабушка всегда в курсе последних событий. По причине слабого здоровья – старушке было за восемьдесят – она редко покидала виллу, расположенную у самого моря, ее опекал целый штат верных горничных, компаньонов, дворецких и секретарш. Елизавета Георгиевна обладала потрясающей способностью знать то, что произошло совсем недавно или только должно было произойти.

Сходство между бабушкой и внучкой было потрясающим: все, кто видел двух представительниц княжеского рода Ноготковых-Оболенских, отмечали это. Несмотря на разницу в пятьдесят с лишним лет, у княгини-бабушки, как и у ее внучки, были пронзительные синие глаза, нежная розовая кожа, покрытая, правда, тонкими лучиками морщин, пушистые волосы – давно седые, в отличие от каштановых локонов Софьи. Елизавета же Георгиевна находила, что ее внучка – вылитая копия своей прабабки, посему и настояла на том, чтобы малышку назвали в честь нее – Софьей.

Софья склонилась над кроватью и поцеловала бабушку в щеку. Даже в больнице старая княгиня выглядела, как будто собралась на прием к великим князьям: на лицо был наложен макияж, в воздухе витал тонкий аромат жасмина.

– Профессор сказал, что повода для беспокойства нет, – заметила Софья. – Однако он уверен, что тебе стоит вести несколько более спокойный образ жизни.

– Ох, уж мне эти профессора! – ответила с легкой улыбкой старая княгиня. – Если бы я внимала всему тому, что говорят медики, то давно оказалась бы на кладбище.

– Бабушка! – шокированно воскликнула Софья.

Елизавета Георгиевна энергично кивнула головой и продолжила:

– Я уверена, что если человек смирится со своими болячками, уверится в том, что является пленником многочисленных недугов, то и в самом деле окажется в лапах таких умников, как профессор д'Атарье. Он любого до смерти залечит!

– Однако профессор – ведущий специалист по кардиологии, – вставила Софья.

– О, дорогая, я и не пытаюсь подвергнуть сомнению его блестящую репутацию, но, как и многие врачи, он склонен к пессимизму! – возразила бабушка.

Софья не стала противоречить: бабушка не терпела, чтобы кто-нибудь оспаривал ее мнение. Профессор сказал Софье, что старой княгине придется задержаться в больнице на

несколько дней, лучше всего на неделю. Однако как сообщить об этом бабушке? Несмотря на то что она редко покидала виллу (разве что для встречи с великой княгиней Беатриссой: чаепитие и обмен последними великосветскими сплетнями), бабушка была весьма активной и занятой особой – вела обширную переписку, ежедневно занималась йогой, упражнялась в живописи и в течение последних двух лет работала над мемуарами.

Елизавета Георгиевна появилась на свет в декабре 1898 года в орловском имении своих родителей – графа и графини Кольдебарских. Она была младшей дочерью, самой любимой и посему до крайности избалованной. Разница между старшими и младшими отпрысками графской фамилии была больше двадцати лет. Лизонька, которую родители считали даром небес и ангелочком, воспитывалась в исключительной вседозволенности, окруженная материальным изобилием и домочадцами, которые никогда не употребляли слова «нет» касательно ее желаний, а по большей части капризов.

Родители строили радужные планы, желая выдать Лизоньку за представителя старинного и непременно богатого рода. Сами Кольдебарские вели свой род от одного из фаворитов несчастного императора Павла: государь пожаловал графский титул мелкопоместному дворянчику, которого сделал генеральным прокурором. Впрочем, фортуна оказалась переменчива, и новоиспеченный граф, получивший из рук царя орден Святой Анны и щедро наделенный десятью тысячами крепостных и угодьями, впал в немилость: Кольдебарский, верный служака, аки пес охранявший покой монарха, не доверял некоторым людям из окружения Павла. Подозревая, что кое-кто из них замыслил недоброе, и услышав шепоток в салонах Петербурга о том, что император вскоре по причине слабого здоровья передаст трон старшему сыну Александру, а сам затворится в Гатчинском дворце, Кольдебарский немедленно доложил об этом своему покровителю. Тот, потрясенный подобной новостью, поблагодарил графа и заявил, что никогда не забудет услуги, оказанной ему. Успокоенный Кольдебарский удалился, а той же ночью к нему заявился гонец, передавший приказ Павла: графу и всей его семье надлежало в одночасье отправиться в сибирскую ссылку, а все их богатства подлежали конфискации. Кто-то из могущественных заговорщиков, среди которых был и родной сын Павла, сумел убедить отличавшегося резкими перепадами характера самодержца в смехотворности обвинений, мол, Кольдебарский, желая возвыситься, намеренно очерняет «верных слуг государя». Только за Уралом графа настигла трагическая новость – Павел, как возвещал манифест, скончался от апоплексического удара (табакеркой в висок, как добавляли знающие люди), и на трон вошел его юный сын. Графу было дозволено вернуться в столицу, ему были возвращены прежние богатства, однако Александр не мог забыть того, что граф до последнего оставался верен покойному императору, поэтому, наградив его за службу своему родителю, молодой самодержец быстро спровадил Кольдебарского в орловское имение.

Так вот, внук того самого Кольдебарского, отец Елизаветы Георгиевны, лелеял планы выдать дочь замуж за представителя древнего рода – в его глазах это послужило бы легитимизацией собственного происхождения.

У Лизоньки не было отбоя от кавалеров, в основном, правда, безродных и бедных бездельников, которые были не прочь заполучить в жены молодую графиню, а вместе с ней – приличное приданое. И Елизавета Георгиевна, отличавшаяся строптивым характером, остановила свой выбор на одном из них – князе Николае Ноготкове-Оболенском. Его род был чрезвычайно древним, оспорить этого никто бы не посмел, но уже в течение весьма долгого времени совершенно безденежным.

Родителям пришлось смириться с выбором младшей дочери, и в 1915 году графиня Елизавета Кольдебарская сочеталась узами брака с князем Ноготковым-Оболенским. Муж через три дня после венчания отправился в Галицию, а княгиня осталась в Петрограде: девять месяцев спустя она разродилась сыном Николаем и дочерью Татьяной. В начале 1917 года у супругов родилась еще одна дочь – Анна, а в конце того же года еще один сын – Павел.

Весть о том, что ее муж пропал без вести на Западной Украине, застигла княгиню в канун Нового года. Она никак не могла поверить, что быстротечное семейное счастье на этом завершилось. Елизавета Георгиевна долго отказывалась следовать примеру своих братьев и сестер, которые покинули Петроград и перебрались на юг, но тем удалось убедить строптивницу, что она должна озаботиться будущим малышей.

Княгиня ждала чуда, уверяя себя, что ее муж остался в живых, хотя все свидетельствовало об одном: он пал смертью храбрых. Когда Крым оказался окруженным Красной Армией, княгиня одной из последних покинула последний оплот прежнего режима – скрипящее всеми снастями греческое судно доставило ее и детей в Афины.

От былого благополучия не осталось и следа, драгоценностей, припрятанных в пудренице, хватило на несколько месяцев, Елизавете Георгиевне и ее отпрыскам пришлось познать нужду. Судьба как будто осерчала на княгиню – в течение восьми месяцев одним за другим, от сыпного тифа скончались трое из четырех ее детей, в живых остался только младший, Павлик.

Покинув Грецию, княгиня перебралась в Париж, где обитали две ее сестры и брат. Они убедили Елизавету Георгиевну в том, что пора сложить траур по погибшему мужу, и она, согласившись с доводами разума, но не приняв их сердцем, вышла замуж за пожилого маркиза – бездетного и чрезвычайно богатого. Ее второй супруг оказался на редкость скупым – несмотря на миллионное состояние, он попрекал жену за каждый потраченный сантим, запрещал пользоваться керосиновыми лампами, приказывая жечь дешевые свечи, и заявлял, что для поддержания организма в тонусе нужно спать в неотапливаемой комнате.

Елизавета Георгиевна изнемогала от причуд супруга, однако ее единственным желанием было обеспечить будущее Павлику. Маркиз, невзлюбивший пасынка, настоял на том, чтобы того отослали в военный интернат. Весной 1927 года в парижский особняк, где обитали Елизавета Георгиевна и ее муж-маркиз, появился странный посетитель: в изможденном старике с длинной бородой и шапкой седых волос, приволакивающим правую ногу и без кисти левой руки, княгиня узнала своего мужа Николая: он не погиб, а, искалеченный, попал в плен, откуда ему удалось бежать. Но дома он не застал никого. Долгие годы князю пришлось скрываться под чужой личиной, и мечтал он лишь об одном – вырваться из строящей коммунизм России, ставшей ему чужой, в Европу, куда, как он узнал, бежала его супруга с детьми.

Появление князя Ноготкова-Оболенского стало страшным ударом для Елизаветы Георгиевны. Она заявила маркизу, что их брак считается недействительным, и возжелала уйти от него. Старик, рассвирепев, заявил, что сотрет в порошок ее и князя, и Елизавета Георгиевна знала, что злопамятный маркиз способен и не на такое.

Чрезвычайно бурный разговор, перешедший в семейный скандал, не прошел для старого аристократа даром – в ту же ночь его свалил инсульт, старика парализовало, а двумя днями позже он скончался. Маркиз, грозивший княгине лишить ее наследства, не сумел привести в исполнение свои планы: все состояние досталось ей.

Елизавета Георгиевна, которую смерть маркиза оставила совершенно равнодушной, посвятила себя заботам о любимом муже. Она была уверена, что их прежняя жизнь, полная любви и благодати, как когда-то в Петербурге, возобновится: у них имелись деньги, и ничто, казалось бы, не мешало семейному счастью.

Но она быстро убедилась, что жестоко просчиталась, ибо прежний князь Ноготков-Оболенский, любящий муж и заботливый отец, исчез, уступив место полусумасшедшему, психически ревнивому, да к тому же видящему в каждом незнакомце большевистского шпиона калеке. Князь никак не мог простить жене то, что она вышла замуж за другого, а собственного сына Павлика отчего-то считал бастардом. В фантазиях князь рисовал ужасные сцены, и Елизавета Георгиевна тщетно пыталась уверить его, что она никогда бы не посмела изменить ему, доказывала, что вышла замуж за маркиза, будучи уверенной, что Николай погиб.

Периоды подозрительности у князя чередовались со вспышками безрассудной любви и обожания по отношению к жене – в такие дни он превращался в нежного, заботливого, «прежнего» Николая. К несчастью, длилось это не больше пяти-семи дней, а затем, едва ли не в течение пары секунд, князь менялся – безумие снова находило на него, и он делался тираном. Он нещадно избивал жену, не позволяя ей выходить из дома, контролировал корреспонденцию и уверился в том, что Елизавета Георгиевна получает тайные послания от любовников, зашифрованные в заголовках французских газет.

Врачи были бессильны, постоянный стресс и физические увечья навсегда деформировали сознание князя. Родственники советовали Елизавете Георгиевне избавиться от мужа, тем более что врачи в один голос настаивали на том, чтобы поместить князя в психиатрическую лечебницу. Елизавета Георгиевна, считавшая, что однажды предала его, не сумев дождаться и выйдя замуж за маркиза, наотрез отказывалась следовать подобным советам.

Летом 1930 года она ощутила признаки беременности – князь в те дни, когда сумасшествие на время отступало, настаивал на том, чтобы жена была с ним близка. Елизавета Георгиевна оповестила мужа о том, что ждет от него ребенка – радости Николая не было предела. Но идиллия длилась четыре дня, затем темное безумие заполнило душу князя, и он, впад в неистовство, отчего-то решил, что жена понесла от одного из мифических любовников. Князь напал на Елизавету Георгиевну ночью – прокравшись в ее спальню, попытался задушить супругу. На ее крики сбежалась прислуга, князя скрутили, а прибывший старший брат княгини отдал распоряжение поместить-таки зятя в лечебницу.

Елизавета Георгиевна умоляла не делать этого, но подключившаяся к делу о попытке убийства полиция, не слушая ее просьб, препроводила князя в сумасшедший дом. Княгиня была уверена в том, что снова предала мужа.

В феврале 1931 года на свет появился Георгий, последний отпрыск князя и княгини Ноготковых-Оболенских. Елизавета Георгиевна посетила психиатрическую лечебницу, дабы показать мужу сына, но князь, забившийся в угол темной комнаты, не пожелал его видеть. Из-за железной двери, глотая слезы, княгиня слышала дикие вопли и безумный хохот – ее супруг окончательно лишился рассудка.

Он скончался шестью годами позже, так ни разу и не увидев своего младшего сына. Елизавета Георгиевна, не в состоянии более находиться в Париже, том самом городе, где в сумасшедшем доме провел свои последние годы ее супруг, перебралась в Ниццу, а оттуда – в соседнее великое княжество Бертранское. Она приобрела виллу, на которой и уединилась.

Разразившаяся Мировая война принесла боль и страдание: Павел, гражданин Французской Республики, не мог смириться с тем, что его вторая родина так быстро капитулировала под натиском вермахта, и, уйдя в подполье, сделался активным участником Сопротивления. А Елизавета Георгиевна и маленький Жорж (так на французский манер именовали ее младшенького) оказались в Бертроне, оккупированном летом 1940 года нацистами.

Павел участвовал в акциях саботажа, нападал на немецкие патрули, минировал железнодорожные мосты. На него открыли охоту, которая увенчалась успехом – в конце 1943 года молодой князь с товарищами попался в ловушку и оказался в руках оккупантов.

Елизавета Георгиевна, которая при помощи высокопоставленных друзей снабжала сына деньгами, шедшими на правое дело, узнала об аресте Павла спустя несколько часов. Она бросилась в великокняжеский дворец, где резидировал немецкий генералитет. Княгиня просила об одном: спасти ее сына от неминуемой казни.

Жирный немецкий генерал заставил ее прождать в приемной четыре часа, которые показали Елизавете Георгиевне вечностью. Новый глава Бертрона (княжество как самостоятельное государство было ликвидировано, порфиноносная семья бежала в Англию, а великий князь Виктор-Иоанн остался, вступив в ряды партизан) встретил ее в шелковом халате за завтраком, который он вкушал в бывшем будуаре княжеской четы.

– Чем могу вам помочь? – спросил глава протектората наглым тоном: ему было известно, что сына княгини бросили в тюрьму.

– Умоляю вас, господин генерал, – произнесла Елизавета Георгиевна, – умоляю вас о снисхождении к моему сыну.

Генерал, елеяно улыбнувшись, ответил:

– О каком снисхождении вы ведете речь, княгиня? Ваш сын – военный преступник, на его совести жизни сотен солдат и офицеров Третьего рейха! Таких, как он, уничтожают подобно бешеным собакам!

Елизавета Георгиевна положила на столик небольшой ларец. Генерал, поморщившись, схватил его.

– Что это? – произнес он и распахнул его.

В ларце находились драгоценности – Елизавета Георгиевна знала, что глава протектората, набивая собственные карманы, разграбил великокняжеский дворец и бертранские музеи, и в особенности он обожал драгоценности. Был даже издан особый указ, по которому всем евреям в княжестве надлежало сдать драгоценности в казну протектората – и в итоге сокровища оказывались в сейфе генерала.

– Какие редкостные рубины, что за идеальные жемчужины, а бриллианты самой чистой воды! – заворуженно рассматривая сокровища, промолвил генерал. Захлопнув ларец, он заявил: – А на что еще вы готовы, княгиня, чтобы спасти вашего сына?

Он подошел к Елизавете Георгиевне, и она ощутила на себе похотливый взгляд генерала. Тот был известным бабником, а часть драгоценностей он отправлял в Берлин супруге, которая утешала свою поруганную честь экспропрированными безделушками.

Генерал был мерзок, но Елизавета Георгиевна, закрыв глаза и стиснув зубы, была вынуждена терпеть его прикосновения.

– Раздевайся! – приказал генерал. – Ну, живее!

– Сначала мне требуются гарантии того, что мой сын останется в живых! – заявила княгиня.

Генерал, стаскивая халат, нетерпеливо ответил:

– Он преступник, и выпустить его не получится, но даю тебе честное слово немецкого офицера, что его не тронут. Получит тюремный срок, а там подсуетишься, заплатишь – и он окажется на свободе. Ах!

Он овладел Елизаветой Георгиевной на кушетке. Все длилось пару минут, в течение которых княгиня, уставившись в покрытый фресками потолок, старалась ни о чем не думать. Ей были противны прикосновения горячих потных лап генерала, его сопение и кряхтение. Когда все завершилось (глава протектората Бертрана, зафырчав, мешком повалился на княгиню), Елизавета Георгиевна отпихнула генерала.

– Приступайте немедленно к освобождению моего сына, – заявила она.

Генерал, натянув халат, ответил:

– Я сам знаю, что мне делать, княгиня. А теперь пошла прочь, я обо всем позабочусь!

Генерал обманул ее: он и не подумал вступить за Павла. Скорый суд приговорил ее старшего сына к смерти – он был повешен через неделю. Елизавета Георгиевна никак не могла поверить в то, что потеряла Павла.

Равнодушной оставили ее и последующие события – высадка союзников в Нормандии, освобождение Франции и Бертрана, поспешное бегство главы протектората, безоговорочная капитуляция тысячелетнего рейха. Елизавета Георгиевна посетила братскую могилу, в которой в числе сотен прочих жертв покоился и ее Павел.

После войны она посвятила все свое существование тому единственному, кто ей был дорог, – Жоржу. Она баловала его, и из мальчика-проказника вырос мужчина-эгоист. Кое-как

окончив университет и со скрипом (помогли связи матери!) получив диплом юриста, Жорж заявил, что не намерен работать. Он жаждал одного – развлечений!

Его имя регулярно появлялось в светской хронике (Жорж Ноготкофф-Оболенский соблазнил голливудскую актрису!), разбазаривал матушкины деньги, кутил в Нью-Йорке, Сен-Тропе, Риме. Елизавета Георгиевна с тоской вспоминала прежние годы, надеясь, что сын исправится и ступит на правильный путь.

К тридцати годам Жорж надумал жениться, и его избранницей стала фотомodelь – представительница известного, но порядком обедневшего итальянского герцогского рода. Елизавета Георгиевна невзлюбила невестку, которая казалась ей безалаберной и жадной охотницей за приданым. Когда на свет появилась дочь Софья, то бабушка взяла бразды правления в свои руки. Не доверяя ни собственному сыну, ни его супруге, она принялась за воспитание внучки самостоятельно.

Жорж, обещавший остепениться, начал изменять жене еще в день свадьбы – до того, как супруги отправились на брачное ложе, он успел соблазнить смазливую горничную в отеле. Новоиспеченная княгиня Ноготкофф-Оболенская знала о многочисленных изменах мужа и терпела их, не в состоянии что-либо изменить.

Спустя два года Жорж, посетив матушку, ошарашил ее новостью о том, что намерен... жениться.

– У тебя уже имеется жена! – отчеканила княгиня.

Жорж, отмахнувшись, небрежно заметил:

– И что из того, мама? В эпоху атомных подводных лодок и полетов в космос никого не заботят подобные предрассудки. Конечно же, чтобы не ерепенилась церковь, я сначала развеюсь, а потом возьму себе в жены новую избранницу.

Елизавета Георгиевна сочла заявление сына блажью, но через неделю, когда сразу в нескольких глянцевах журналах, специализирующихся на распространении сплетен из высшего общества, появились фотографии Жоржа в компании симпатичной беременной блондинки, убедилась, что все гораздо серьезнее.

Горничная в лондонском отеле, где Жорж снимал целый этаж, оказалась пронырливой девицей: она не только затащила в кровать князя Ноготкофф-Оболенского (для этого ей не пришлось прикладывать больших усилий), но и сделала все для того, чтобы ее афера не завершилась через пару дней чеком на крупную сумму или сапфировым браслетом. Мэри позвонила Жоржу спустя три месяца – он пребывал как раз на Гавайях – и сообщила ему, что он станет папой: она от него беременна! И что бы вы думали? Никто точно не знал, каким образом Мэри удалось склонить Жоржа к мысли о разводе и женитьбе на ней, но ветреный ловелас вбил себе в голову, что бывшая горничная – именно та, кого он любит больше всего на свете.

Елизавета Георгиевна пыталась откупиться от Мэри, предложив ей сто тысяч фунтов стерлингов, но та нахально заявила:

– Мадам, зачем мне какие-то сто тысяч, если я вскоре получу миллионы вашего сына! Я и моя крошка!

Нанятые детективы, вывернув личную жизнь Мэри наизнанку, установили, что, вероятнее всего, ребенок, которого она ожидает, – в самом деле внук Елизаветы Георгиевны, хотя княгиня была уверена, что хитрющая горничная намеренно забеременела после окончания интрижки с Жоржем невесть от кого, чтобы в дальнейшем выдать отпрыска за его сына и потребовать денег.

Весть о предстоящем разводе Жоржа Ноготкофф-Оболенского вызвала волну сплетен и домыслов. Его законная итальянская жена решила не уступать супруга сопернице, и 21 июня 1962 года заявила на виллу в Ницце, где обитала влюбленная парочка. Она прихватила с собой семизарядный револьвер – четыре пули бывшая фотомodelь выпустила в мужа, две – в Мэри, а одну оставила для себя.

Елизавета Георгиевна, узнав о смерти сына и самоубийстве невестки, попала в больницу с гипертоническим кризом. Жорж скончался на месте, его законная жена – тоже, а вот Мэри, невзирая на два ранения (одна пуля задела легкое, а другая прошла в опасной близости от сердца), не только осталась жива, но и не потеряла ребенка. Елизавета Георгиевна возложила вину за гибель Жоржа целиком и полностью на его любовницу. Княгиня оплатила ей пребывание в лучшей клинике Ниццы, однако, когда на свет за два месяца до срока появилась ее вторая внучка, не пожелала увидеть малышку.

Мэри нарекла дочь Авдотьей, чем неслыханно разозлила Елизавету Георгиевну: так звали ее любимую тетку! Экс-горничная продавала интервью желтым изданиям, в красочных подробностях живописуя свою связь с Жоржем и последний вечер его жизни. Затем Мэри затеяла судебный процесс, требуя официального признания Авдотьи (или Ады, как именовала малышку пресса) дочерью Жоржа Ноготкофф-Оболенского. За этим стоял тонкий расчет: Мэри надеялась получить долю миллионов старой княгини.

Судебное разбирательство грозило затянуться на долгие годы, поглотить массу средств и еще больше нервов. Елизавета Георгиевна не могла допустить, чтобы ее имя бесконечно трепали на страницах газет и журналов, и, нехотя согласившись с предложениями своих адвокатов, встретила Мэри в апреле 1966 года. Та явилась на randevу вместе с Адой, и княгиня, пленившись очаровательным ребенком, который походил на ее умершую много лет назад дочь Татьяну, сдалась.

Обе стороны заключили мир: Ада признавалась дочерью Жоржа, Мэри получала ежемесячную ренту в пять тысяч фунтов стерлингов (она требовала единовременной выплаты десяти миллионов и последующих ежемесячных вливаний в размере пятидесяти тысяч, но, поняв, что старая княгиня большего не даст, согласилась на ее предложение).

Мэри наотрез отказывалась передать дочь на воспитание Елизавете Георгиевне, однако, узнав, что ее уступчивость будет оценена в пять миллионов, немедленно согласилась. Вручив дочку заботам княгини, Мэри с головой окунулась в наслаждения.

Наконец-то Елизавета Георгиевна обрела смысл жизни: после многочисленных ударов судьбы, потерь и разочарований она смогла заняться воспитанием двух внучек – Софьи и Ады. Они были непохожи не только внешне (Софья – синие глаза, каштановые волосы, Ада – серые глаза и русые кудри), но и характерами: старшая внучка уродилась спокойной, молчаливой и выдержанной, а младшая – суетливой, болтливой и хитрой. Но Елизавета Георгиевна не чаяла души в них обеих, грезя, что когда-нибудь они – наследницы рода Ноготковых-Оболенских – станут знаменитыми и, что важнее всего, счастливыми.

В 1974 году Мэри, которая к тому времени успела пять раз побывать замужем и четыре раза скандально развестись, погибла в автомобильной катастрофе – ее автомобиль вылетел с серпантина в Монако и упал на склон холма. Посмертная экспертиза установила, что Мэри под завязку накачалась алкоголем и наркотиками. Елизавета Георгиевна почувствовала облегчение, узнав о смерти Мэри – имя той постоянно появлялось на страницах журналов дешевого пошиба в хронике скандальных происшествий.

Ада отреагировала на весть о смерти матери безучастно – Мэри была для нее чужой, малознакомой женщиной, которая редко появлялась в Бертроне, каждый раз в сопровождении нового любовника (или мужа, или и того, и другого), прижимала к себе дочку, целовала ее в лоб и, оттолкнув от себя, заводила со старой княгиней разговор о непомерных долгах и несчастной жизни. Получив требуемую сумму, Мэри исчезала из княжества и забывала о дочери до тех пор, пока ей снова не требовались деньги.

Девочки росли, Елизавета Георгиевна замечала, что Софья и Ада не ладят друг с другом. Ада как-то заявила Софье в лицо, что ее мать убила их отца, на что та, не оставшись в долгу, заявила, что этого бы не произошло, если бы ее матушка вела себя более порядочно. Ада отнимала у Софьи игрушки, а Софья издевалась над тем, что сводная сестра плохо успе-

вает в школе. Ада намеренно строила глазки кавалерам Софьи, а Софья гордилась тем, что поступает в университет.

Когда Софья объявила бабушке, что намерена выйти замуж, Ада соблазнила ее жениха и сделала так, чтобы сестра застала ее с ним в постели. После этого Софья настояла на том, чтобы Ада покинула Бертран, и Авдотья умчалась в Нью-Йорк, где блистала в высшем свете, заявляя направо и налево, что не намерена, как «унылая Софья, киснуть за книгами и протухать в музеях».

Елизавета Георгиевна обожала обеих внучек и плохо переносила вражду между ними, но ее попытки заставить девушек забыть о давних обидах успехом не увенчались. Каждый раз, когда сестры встречались, они непременно ссорились. И тем не менее в глубине души Софья чувствовала, что привязана к Аде, которую одновременно и любила, и ненавидела. И то, и другое – всеми фибрами души.

* * *

– Я не намерена долго оставаться в клинике, – произнесла бабушка. – Если не сегодня, так завтра покину сие заведение!

Дверь палаты распахнулась, Софья увидела сестру: Ада, в легком бежевом пальто, с букетом желтых хризантем, влетела в комнату.

– Милая бабулечка! – просюсюкала она и, словно не замечая Софью, бросилась к кровати. – Как только я узнала, что с тобой случилось, тотчас вылетела в Бертран!

Старая княгиня заворчала, однако Софья заметила, что в глубине души бабушка довольна: обе любимые внучки, узнав о сердечном приступе, тотчас оставили дела и ринулись к ней.

– Ах, Софья, тебя я и не заметила, – небрежно произнесла Ада и сунула сестре хризантемы. – Будь добра, отыщи для цветов вазу.

Софья небрежно положила хризантемы на журнальный столик и произнесла:

– Меня удивляет твоя быстрая реакция, Ада. Обычно тебя приходится долго ждать.

Ада, примостившись около кровати и взяв ладонь старой княгини, недовольно ответила:

– Неужели, сестричка? А как же твой музей с шедеврами? Ты соизволила оставить их на попечение кого-то другого?

– А твои вечеринки с наркотиками, Ада? – встала Софья. – Уверена, что твои бездельники-друзья ждут тебя! Или ты хочешь в течение одного дня успеть буквально все: и бабушку навестить, и отправиться на очередной прием?

Елизавета Георгиевна, понимая, что ситуация накаляется (любая встреча сестер завершалась взаимными обвинениями и хлопаньем дверьми), заявила:

– Мои любимые внучки, прошу вас, немедленно прекратите! Я не для того оказалась в больнице, чтобы выслушивать вашу перепалку!

– Бабулечка, она первой начала, – вздохнула Ада. – Я здесь совершенно ни при чем. И вообще, если бы ее мать-невропатка не взяла тогда в руки револьвер...

– Если бы твоя мамаша-горничная не решила заработать пару миллионов... – перебила ее Софья, но не успела закончить: старая княгиня, до того апатично возлежавшая на кровати, рявкнула:

– Авдотья, Софья, замолчите! И почему вы никак не можете найти общий язык? Вы же знаете, как я хочу, чтобы вы забыли о прежних обидах и наконец-то помирились!

– Вот видишь... – протянула Ада. – Бабулечка из-за твоего поведения и угодила в больницу! Если бы около нее была я, с ней бы никогда ничего подобного не произошло! Но ты намеренно выехала с виллы и сняла квартиру, чтобы не быть рядом с бабушкой!

– Чушь! – ответила Софья. – Бабушка поддержала меня, когда я приняла решение начать самостоятельную жизнь. А вот ты, милая Ада, полностью зависишь от бабушки в финансовом отношении и наверняка заявилась вовсе не для того, чтобы навестить ее в больнице, а чтобы потребовать денег. Ты пошла в свою глупую мать!

Елизавета Георгиевна попыталась привстать, но это у нее не вышло. С тихим стоном она откинулась на подушки, и внучки, позабыв о распрях, бросились к ней.

– Бабушка, с тобой все в порядке? – спросила испуганным тоном Софья.

Ада добавила:

– Милая бабулечка, я сейчас же позову лечащего врача!

Но старая княгиня, поморщившись, остановила ее:

– Не нужен мне профессор! Он только и знает, что прописывать мне таблетки, инъекции и сыпать латынью. Чудодейственное лекарство, которое поставит меня на ноги, это ваше примирение! Софья, Ада!

Сестры переглянулись. Затем Софья с кислым выражением лица, а Ада, наморщив лоб и выпятив нижнюю губу, протянули друг другу руки.

– Значит, мир? – произнесла Софья.

Ада пожала руку и вздохнула:

– С учетом состояния бабулечки другого не остается!

– Я хочу только одного: на закате своих дней дожидаться вашего примирения, – заявила Елизавета Георгиевна.

– Бабушка, о чем ты говоришь! – воскликнула Софья. – Я уверена, что мы вскоре отпразднуем твой девяностолетний юбилей!

– Девяностолетний! – фыркнула Ада. – Уверена, что мы встретим и столетний!

– О, я считаю, что не следует загадывать наперед, сколько кому осталось, – вздохнула Елизавета Георгиевна. – Жизнь моя была насыщенной, полной любви и горя, но я ни о чем не сожалею, ибо это бессмысленно. Я знаю, что у меня есть вы – те, кто носит фамилию Ноготковых-Оболенских.

Софье не понравился тон бабушки, она увидела, как и сестра нахмурилась. А Елизавета Георгиевна затем провозгласила:

– Смерть регулярно навевается в нашу семью, и следующей, кого она заберет с собой, стану я!

– Бабушка! – в один голос воскликнули Софья и Ада.

Елизавета Георгиевна покачала головой:

– Никогда не следует забывать о том, что век человеческий короток. Поэтому, милые мои внучки, я наконец-то решила составить завещание. Я разделю то, чем обладаю, на две равные части!

– К чему ты говоришь об этом, бабулечка! – протянула Ада. – Ты ведь не собираешься нас покидать! И профессор, я с ним говорила, уверен, что все...

Старая княгиня снова прервала ее:

– Мне не так долго осталось, дорогие мои! Настало время позаботиться о вас. Я все время откладывала малоприятную процедуру составления завещания, но теперь понимаю, что давно надо было сделать это. Меня скоро навестит мэтр Пуэрэ...

– Наш семейный адвокат! – воскликнула Софья. – Бабушка, быть может, стоит повременить с завещанием? Ведь мы так тебя любим, к чему говорить о деньгах?

Елизавета Георгиевна улыбнулась:

– Похвально, Софья, что деньги не имеют над тобой такой власти, как над прочими представителями нашего семейства, однако я не имею права откладывать. Мне важно знать, что после моей смерти вы окажетесь финансово обеспеченными, ведь мое состояние, скажу вам по секрету, исчисляется многими миллионами.

Ада чмокнула старушку в щеку и сказала:

– Бабулечка, возможно, для Софьи и важно знать, что она унаследует некоторое количество миллионов, но я хочу, чтобы ты жила как можно дольше. И забудь ты об этом дурацком завещании...

– То, что я наконец-то его составляю, вовсе не означает мою близкую кончину, – ответила старая княгиня. – Однако, наблюдая за вами, я понимаю, что грандиозной ссоры между вами после моей смерти не избежать!

В дверь палаты постучали, и после того как бабушка произнесла по-французски: «Войдите!», на пороге возник невысокий человечек в элегантном костюме с красной гвоздикой в петлице и с большим кожаным портфелем. Это и был мэтр Пуарэ. Он тотчас начал извергать витиеватые фразы, желая Елизавете Георгиевне скорейшего выздоровления.

– Месье Пуарэ, – прервала его княгиня, – вы же знаете, зачем я позвала вас: я хочу составить завещание.

– Весьма мудрое решение, мадам, – ответил адвокат и раскрыл портфель. – Уверен, что мы уладим все формальности в течение полчаса.

Елизавета Георгиевна заявила:

– Мне важно знать, что и после моей смерти в семье будет царить мир. Я не хочу, чтобы Софья и Ада перессорились из-за дележа наследства. Но гораздо более важна для меня репутация нашего рода!

Ада заерзала – несколько раз она попадала в сомнительные истории, и бабушке приходилось при помощи крупных сумм делать так, чтобы сообщения о них не появились в газетах.

– Милые мои девочки, предлагаю вам пойти выпить кофе и оставить меня пока наедине с мэтром Пуарэ, – провозгласила княгиня. – Когда все будет закончено, он вас позовет!

Сестры вышли из палаты. Едва оказавшись в коридоре, Ада заметила:

– Больше чем уверена, что это ты внушила бабулечке глупую мысль о завещании. Тебе так и хочется завладеть ее состоянием! Какая же ты лицемерка!

– А у меня сложилось впечатление, что как раз ты совсем не прочь подправить свою финансовую ситуацию, Ада, – заявила Софья. – Ты так и не сказала бабушке, что все еще не расплатилась с долгами? Думаю, мне нужно сделать это за тебя.

– Только посмей! – прошептала Ада. – Как же я тебя ненавижу, Софья! О, я бы все отдала за то, чтобы ты исчезла с лица земли!

Одарив сестру презрительным взглядом, Софья удалилась в кафетерий. Там спустя сорок минут ее и разыскал мэтр Пуарэ.

– Ваша бабушка ждет вас, мадемуазель, – сказал он. – Она поручила мне сообщить, что завещание составлено и подписано: бумага находится у меня. Всего наилучшего!

Проведя в клинике еще около часа, Софья и Ада вместе вышли из палаты. Натягивая перчатки, Ада заметила:

– Ты, конечно же, не сможешь взять отпуск, чтобы ухаживать за бабушкой? Картины для тебя дороже всего остального!

– Ты сама знаешь, что бабушка не хочет этого, – ответила Софья. – У нее имеется целый сонм служанок и компаньонов, которые с радостью будут заботиться о ее здоровье, трясясь над каждым чихом. Но и ты, я вижу, спешишь? Наверняка на очередной дурацкий светский раут?

Не удостоив Софью ответом, Ада вышла из здания клиники. Ее ожидал огромный черный лимузин с тонированными стеклами.

– Я на «Конкорде» вылетаю обратно в Нью-Йорк, – произнесла она. – Чао, сестрица!

Софья проводила взглядом Аду, которая исчезла в салоне лимузина. Как обычно, она смывается в самый ответственный момент, боится принять на себя ответственность и не хочет отягощать собственную совесть заботой о больной бабушке.

* * *

Ада, расположившись на кожаном сиденье, открыла бар, достала бутылку коньяка и плеснула себе на доньшке бокала. Сквозь затемненное стекло она уставилась на Софью, которая, чуть постояв возле лимузина, двинулась в сторону центра княжества. Ада бросила шоферу:

– В Ниццу, самолет до Парижа уже давно ждет меня!

По дороге в Ниццу Ада размышляла о том, что занимало ее последние месяцы. Кредиторы становились все несноснее, ей требовалось почти два миллиона, причем как можно быстрее. Несколько лет назад она дала бабушке клятву, что не будет делать тайных долгов и прекратит захаивать в казино, но не сдержалась и нарушила ее. Но должна ли старушка знать обо всем?

На секунду – всего на секунду! – Ада подумала, что все могло бы радикально измениться, если бы бабулечка вдруг умерла. Тогда двумя наследницами станут ее любимые внуки. Жаль, конечно, что половину состояния придется отдать Софье. Вот если бы что-то случилось и с сестрицей...

Софью Ада ненавидела, хотя и сама не могла объяснить, отчего. Скорее всего, это была детская ревность, которая со временем переросла в более сильное чувство. Но сестрица, как, впрочем, и бабулечка, не намерена скончаться, так что денег в ближайшее время не видать... Ада была в отчаянии: не хватало еще, чтобы кредиторы (а большая их часть – вовсе не респектабельные банкиры, а головорезы и мафиози, которые ссудили ей деньги под огромные проценты) позвонили бабушке или, чего хуже, заявили к ней в Бертран. Старуха помешана на чести семьи, она не допустит, чтобы одна из ее внучек стала центром грандиозного скандала.

«Что же делать, что же делать?» – вертелось в голове у Ады. У нее остается всего несколько недель, чтобы найти два миллиона! К бабушке она не обратится, ведь та, узнав, что внучке требуется такая огромная сумма, захочет объяснений. Вот бы старухе открыть для каждой из внучек счет и перевести на него часть состояния... Так нет, приходится Аде, как нищей, кланчить каждый доллар и представлять отчет о тратах!

Софья – тут сомневаться не приходилось! – и пальцем не пошевелит, чтобы ей помочь. Более того, сестричка доложит обо всем бабулечке, а та, чего доброго, лишит Аду наследства. Это станет подлинной катастрофой! Допустить подобного развития событий нельзя!

Ада, налив себе еще коньяка, попыталась забыть о проблемах, но не получилось. Итак, где же она возьмет деньги? Старушка идет на поправку, так что нельзя рассчитывать на то, что она вдруг скончается. Но как сказал надутый профессор, ее нужно беречь от стресса, ведь любое переживание может стать для старой княгини смертельным.

Вот если бы... Хотя нет, о чем она думает! Вызвать смерть бабушки... О чем это она? Ада никогда бы не решилась на убийство, однако немного помочь естественному ходу событий – совсем другое дело. Если бы еще заодно и Софью с дороги убрать...

Только как это сделать?

* * *

Софья, вернувшись в музей изящных искусств, прошла в свой кабинет. На столе ее ждала гора корреспонденции. Раздался звонок внутреннего телефона, и она, сняв трубку, услышала голос Эстеллы фон Лаутербах:

– Софья, я слышала о несчастье с вашей бабушкой, искренне надеюсь, что все в порядке.

В голосе директрисы сквозили тревожные нотки, однако Софья понимала: Эстелла беспокоится не о состоянии здоровья старой княгини, а о том, сможет ли ее внучка заниматься организацией выставки великокняжеских драгоценностей.

– Мадам, благодарю вас, моя бабушка идет на поправку, – заверила ее Софья. – Вам не стоит волноваться.

– Вот и отлично, – заявила Эстелла. – Тогда вам не составит труда, Софья, задержаться сегодня в галерее. Нужно уладить массу дел, связанных с выставкой! Увы, я бы с радостью помогла вам, однако меня ждут в великокняжеском дворце. Я ведь могу на вас положиться?

Софья знала, что иного ответа, кроме как: «Разумеется, мадам!», от нее никто не ожидает. Через пять минут секретарша на тележке ввезла в ее кабинет пухлые папки. Софья едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть: Эстелла завалила ее работой, придется остаться в музее допоздна, возможно, на всю ночь! Однако она не имеет права сказать сейчас «нет». В ее обязанности входит позаботиться о том, чтобы выставка в Эльпараисо прошла без эксцессов, и она приложит все силы, чтобы так и было!

Музей закрывался в шесть часов вечера, последний из сотрудников исчезал около семи, оставались только два охранника. На сей раз компанию им составила Софья. Чтобы справиться с тем объемом бумаг, которыми завалила ее Эстелла, ей пришлось задержаться до половины первого. Перевернув последнюю страницу последнего документа, Софья глубоко вздохнула и сладко потянулась. Спина затекла, глаза слипались, но она была довольна собой: завтра (вернее, уже сегодня) Эстелла обнаружит на своем столе документы в идеальном порядке – все будет улажено.

Положив папки на тележку и оставив записку для секретарши: «Для мадам директрисы», Софья, погасив свет в кабинете, вышла в коридор. Она редко бывала в музее ночью, точнее, всего пару раз, когда Эстелла вызывала ее к себе в поздний час. Софья прошлась по залам, на стенах которых висели картины кисти знаменитых художников, ее шаги громким эхом разносились по зданию. На секунду девушка подумала, что великое множество грабителей жаждет завладеть хотя бы частью этих бесценных шедевров. Но музей, как знала Софья, надежно охранялся. Спустившись на первый этаж, она, кстати, столкнулась с одним из охранников.

– Добрый вечер, мадемуазель, – произнес он. – Вызвать для вас такси?

– О нет, я доберусь пешком, – ответила Софья. Пожелав охранникам спокойного дежурства (впрочем, музей ни разу не подвергался нападению грабителей), Софья вышла на улицу.

В лицо ей ударил свежий морской бриз – мартовские ночи в Бертроне весьма прохладны. Она спустилась к эспланаде и, облокотившись на парапет, залюбовалась мерцанием звезд. Как же редко у нее выпадает возможность полюбоваться на ночное небо! После того как Ада отбила у нее жениха (но, если честно, она была даже признательна сестре – только потом Софья поняла, что не любила своего будущего мужа), молодая княжна поставила крест на личной жизни. Нет, карьера для нее на первом месте! Она не разочарует Эстеллу. А кроме того, выставка великокняжеских драгоценностей будет подробно освещаться в прессе, и это позволит Софье сделать себе имя.

Постояв несколько минут и ощутив, что замерзает, Софья развернулась и направилась в сторону дома, где снимала небольшую квартирку. Она могла бы попросить бабушку купить ей шикарные апартаменты в одном из небоскребов, что были возведены недавно по проекту одного из самых известных в мире архитекторов, или, скажем, переехать в небольшую уютную виллу на тихой улице, но Софья решила, что не будет, как сестрица, зависеть от денег бабушки. У нее имеется место, пусть и скромно оплачиваемое, поэтому она будет снимать квартиру: две комнаты, крошечная кухонька, холодная ванная комната со старинной чугунной купелью... Ада наверняка бы забилась в истерику, если бы ей пришлось сменить свой номер в дорогом отеле (в иных сестра и не останавливалась) на подобное жилье. Софья же была рада, что начала самостоятельную жизнь. Да и бабушка, насколько она могла судить, поддерживала ее в этом начинании.

Княжество, невзирая на поздний час, не спало: из здания оперного театра доносилась музыка. Давали «Лоэнгрина», а значит, представление грозило затянуться до раннего утра. На

площади Святого Иоанна, около кафедрального собора, фланировали дамы в мехах и господа в смокингах – недалеко располагалось несколько гостиниц и казино, которые были открыты по специальному указу двадцать три часа в сутки.

Великокняжеский дворец, искусно подсвеченный разноцветными прожекторами, притягивал к себе всеобщее внимание. Софья миновала центр и попала на вымершие узкие улочки – там жили обыкновенные подданные великого князя. В отличие от состоятельных туристов, европейской знати и титулованных бездельников, ночи напролет игравших в рулетку в казино, пировавших в ресторанах или наслаждавшихся классической музыкой до первых петухов, а потом дрыхнувших до ужина, бертранцы запирались в своих домах еще до захода солнца, чтобы подняться на ноги незадолго до того, как нувориши отправятся в постель. Жители княжества отличались трудолюбием и набожностью, соблюдая заветы предков и архаичный режим.

Софья медленно поднималась в гору (княжество представляло собой череду возвышенностей и долин), сон как рукой сняло, она чувствовала упоение и радость.

– Стоять! – раздался грубый голос.

* * *

Софья сначала и не поняла, что кто-то обращается к ней. Обычно таким тоном разговаривают с непослушными собаками.

Она находилась на крошечном мосту, перекинутом через горную речушку, сбегаящую к морю. Софья заметила двух типов – в черных плащах, со шляпами, надвинутыми на лица, и поднятыми воротниками, они выглядели подозрительно. Один из них, подойдя к Софье, грубо схватил ее за плечо и прогнусавил:

– Ты что, детка, глухая? Я же велел тебе остановиться!

В руках его приятеля сверкнул нож, Софья беспомощно оглянулась. Княжество надежно охранялось, однако в первую очередь – центральные улицы: государство обеспечивало покой богатых визитеров и именитых гостей. Преступности в Бертроне не было – почти не было.

А вот в кварталах, где обитали простые смертные, время от времени случались кражи, изнасилования и даже убийства, кое-где приторговывали наркотиками и краденым. Полицейские машины патрулировали в первую очередь примыкающие к казино, отелям и дворцу кварталы. Молодой князь Клод-Ноэль, вступивший не так давно на престол, заявил в своей первой тронной речи о том, что намеревается заботиться о безопасности всех своих подданных, и пообещал установить на улицах камеры, которые отслеживали бы движение почти во всех уголках и передавали бы изображение в полицейский участок. Но его обещания так и остались обещаниями: казна княжества пустовала, казино приносили стабильный, но не такой уж и большой доход, и на улучшение инфраструктуры элементарно не хватало средств.

– Давай сумку! – произнес первый бандит на французском с люксембургским акцентом. – Ну, живо, тварь!

Его напарник приставил к горлу Софьи нож. Она безропотно отдала сумку, понимая, что сопротивляться не имеет смысла. Грабители выпотрошили сумку, отшвырнув ее от себя. Они алчно распахнули портмоне и вытащили несколько ассигнаций.

– И это все? – протянул разочарованно один из бандитов. – Детка, у тебя только сто двадцать франков? Это же курам на смех!

– Снимай украшения! – приказал бандит с ножом.

Софья послушно стянула с пальца кольцо с небольшим изумрудом – ценности оно особой не представляло, однако все равно было жаль: девушка купила его в Египте, когда приезжала туда, чтобы осмотреть запасники Каирского музея.

– И это все? – заявил другой преступник. Он рассмотрел кольцо в лучах фонаря и заявил: – Говорил же я тебе, кретин, что прохожих не здесь нужно ловить, а к опере идти. Там такие бабки ходят – в бриллиантах с лесной орех!

– Ага, и полиция на каждом шагу! – усмехнулся его товарищ. – Не может быть, чтобы у этой фифочки было одно только колечко с паршивым камешком. По ней сразу видно – деньги у нее водятся!

Бандиты переглянулись, один из них с гадкой усмешкой сказал:

– Ну, красавица, если у тебя больше ничего нет, то придется платить натурой. Ты ведь понимаешь, о чем я?

Его похотливые руки дотронулись до Софьи, она почувствовала, что бандит пытается залезть ей под блузку. Она издала тонкий крик, но тонкое острие ножа уперлось ей в горло.

– Детка, будешь вопить, взрежу, как свинью, – хохотнул другой грабитель. – Франсуа, шевелись, давай побыстрее, я тоже хочу отведать молодой дичи. А наша жертва – такая симпатяжка!

Франсуа не пришлось долго уговаривать – он разорвал блузку Софьи и, пуская слюни, прошептал:

– Ого, вот так красотку мы отхватили!

Софья, чувствуя, что слезы текут по щекам, понимала: она находится в полной власти бандитов. Вот ведь ирония судьбы – они ограбят ее и возьмут силой всего в ста метрах от ее дома, на мосту, который она пересекала по крайней мере две тысячи раз!

Девушка попыталась вырваться, но бандиты прижали ее к каменным перилам моста.

– Если будешь сопротивляться или кричать, перережу тебе глотку и сброшу в реку, – заметил бандит. – Тебе точно не выжить, дура! Там ведь глубина полметра и острые камни, разобьешься насмерть!

Бандит тем временем, сопя, обхватил Софью. Она, закрыв глаза, почувствовала тошноту...

И вдруг неведомая сила оторвала от нее мерзкого нападавшего. Не понимая, что происходит, Софья открыла глаза и увидела высокого темноволосого мужчину, который держал за шкирку бандита.

– Что вы здесь делаете, мерзавцы? – гневно произнес он и, не долго думая, со всей силы ударил бандита по лицу, который, взыв, повалился на тротуар.

Его напарник, извергая проклятия, с зажатым в кулаке ножом бросился на мужчину. Тот оказался не из робкого десятка – при помощи пары ловких движений он повалил бандита на перила, ударил по руке, и нож из нее полетел в речку.

– Пощадите! – заверещал бандит. – Месье, прошу вас, пощадите!

– Мадемуазель, с вами все в порядке? – спросил, крепко держа бандита, мужчина.

Софья, всхлипнув, ответила:

– О да. Осторожнее!

Первый бандит, поднявшись с тротуара, набросился на мужчину сзади, а его товарищ, которого ему пришлось выпустить из рук, мгновенно подрапал прочь. Но спаситель Софьи схватил его и произнес:

– Уж тебя-то я сдам в полицию, придется отвечать за все грязные делишки, которые вы вместе провернули!

Однако бандит, извернувшись, ударил мужчину в солнечное сплетение. Герой, охнув, выпустил преступника, и тот, воспользовавшись секундным замешательством, побежал вслед за своим приятелем.

Софья бросилась к мужчине со словами:

– Боже мой, месье, как вы себя чувствуете?

* * *

Мужчина, держась на грудь, с улыбкой произнес:

– Мадемуазель, не стоит беспокоиться. Как жаль, что этим мерзавцам удалось уйти! Я немедленно свяжусь с полицией, их должны поймать!

– Они через пять минут покинут территорию Бертрана, – ответила Софья. – Один из них говорил с люксембургским акцентом, наверняка они прибыли сюда, чтобы пощипать богатых туристов.

Она смолкла и, охнув, запахнула разорванную блузку. Мужчина, скинув с себя пальто, бережно накинул его на плечи Софье.

– Мадемуазель, рискну предположить, что вы живете где-то неподалеку, – произнес он. – Иначе вряд ли бы вы оказались в столь поздний час одна. Разрешите мне проводить вас до дома!

Софья внезапно разрыдалась. Уткнувшись в плечо своего спасителя, она ощутила себя в полной безопасности.

– Если бы не вы... Боже мой, я и думать об этом не хочу! – всхлипнула молодая княжна.

– Ну, не стоит вспоминать, – произнес мужчина, – все закончилось! Я и представить себе не мог, что Бертран, это замшелое европейское гнездышко, этот рай для миллионеров и голливудских суперзвезд, мало чем отличается от бедных кварталов моего родного Лондона!

Софья, отпрянув от мужчины, сказала:

– Извините, кажется, я испортила ваш смокинг...

– Вам не стоит извиняться, я как врач могу вам сказать, что ваша реакция нормальна! – заметил спаситель. – И все же предлагаю позвонить в полицию. Я не привык оставлять подобные преступления безнаказанными, эти молодчики должны провести несколько лет в тюрьме!

Рассеянный свет фонаря осветил лицо мужчины – ему было около тридцати, классические черты лица, узкие серые глаза, идеальные белые зубы.

– Вы врач? – шмыгнув носом, спросила Софья.

Мужчина, улыбнувшись, ответил:

– Ах, в пылу схватки не было возможности представиться, мадемуазель. Меня зовут Себастьян Хоуп, я – психиатр, прибыл в Бертран на конгресс.

Нагнувшись, он подобрал с тротуара кольцо с изумрудом.

– Оно едва не стоило мне жизни, – усмехнулась Софья. – Мистер Хоуп, я не знаю, как благодарить вас!

– Мадемуазель, если не знаете, то и не стоит, – сказал доктор. – Уверен, что на моем месте точно так поступил бы любой здравомыслящий человек. Как хорошо, что после окончания первого дня на конгрессе я решил прогуляться!

Он нежно подхватил Софью под руку, и они отправились по улице к ее дому. Себастьян Хоуп давал по пути наставления:

– Мадемуазель, вам требуется принять горячую ванну и выпить сладкого чая, это поможет справиться с неприятными переживаниями и побыстрее заснуть.

– Мистер Хоуп... Себастьян... – произнесла внезапно Софья. – Вы не откажетесь, если я приглашу вас на чашку чая?

Доктор внимательно посмотрел на Софью и ответил:

– Не откажусь, если вы, прекрасная незнакомка, не будете и далее скрывать от меня свое имя.

Софья рассмеялась – в обществе симпатичного английского доктора она чувствовала себя как нельзя лучше.

– Меня зовут Софья Ноготкофф-Оболенская, – сказала она.

– Если не ошибаюсь, то вы принадлежите к старинному дворянскому роду, – промолвил Себастьян.

– Так и есть, – подтвердила Софья. – Боже мой, а где же моя сумочка!

Себастьян галантно протянул ей сумочку.

– Грабители, забрав ваш кошелек, швырнули ее около фонаря, – произнес он. – Разрешите...

Он попытался найти в сумочке ключи, однако Софья в отчаянии воскликнула:

– Я же оставила их в квартире! Сегодня утром все было против меня – в пятницу, тринадцатого, я столкнулась со сплошными неудачами...

Она искоса взглянула на доктора Хоупа – если бы на нее не напали бандиты, то она не познакомилась бы с симпатичным психиатром.

– Мадемуазель, я все улажу! – заявил доктор. Он позвонил в одну из квартир, недовольный сонный голос произнес: «Что такое?»

Табличка над кнопкой гласила «Olivia Nivoix». Откашлявшись, Себастьян произнес:

– Мадам, приношу тысячу извинений за то, что вынужден беспокоить вас в столь неурочный час, однако вашей соседке, мадемуазель Ноготкофф-Оболенской, требуется помощь. Вы разрешите воспользоваться вашим телефоном?

Раздался зуммер, доктор раскрыл дверь в подъезд и пропустил Софью вперед. Поднимаясь по лестнице, они столкнулись с мадам Нивуа – любопытная соседка, в шелковом халате, с сеточкой на волосах, вышла из своей квартиры. Под ногами у нее вертелась рыжая кошка.

– Добрый вечер, Софи, – произнесла она елейным голоском и уставилась на Себастьяна Хоупа. – Добрый вечер, месье. Софи, что-то случилось?

Соседка наверняка душу бы отдала за то, чтобы узнать, почему Софья пришла домой так поздно, да еще в сопровождении незнакомого красавца, да еще одетая в мужское пальто.

– Доброй ночи, мадам, – любезно произнес Себастьян. – Если не возражаете, я от вас позвоню...

– В полицию? – подозрительно спросила мадам Нивуа. – Софи, вы такая бледная... Этот господин, он вам докучает?

– Что вы, мадам! – с жаром ответила Софья. – Если бы не доктор Хоуп, если бы не Себастьян, то... – она запнулась.

Поведай она соседке о ночном происшествии, на следующий день о нем будет знать весь дом: мадам Нивуа не умела держать язык за зубами.

– Ах, проходите же, Софи! – заверещала мадам Нивуа, хватая девушку за руку. – Я напою вас горячим чаем, вы обо всем мне расскажете...

Квартира мадам Нивуа была заставлена давно вышедшей из моды мебелью, а стены увешаны черно-белыми фотографиями, на которых была изображена сама мадам, и в дни далекой юности не отличавшаяся особой красотой.

Себастьян позвонил в службу спасения, которая не заставила себя долго ждать – спустя двадцать минут все было улажено: дверь квартиры Софьи аккуратно вскрыли, и она наконец-то получила доступ в собственное жилище.

– Софи, мой милый мальчик Анри так хочет увидеться с вами вновь, – завела старую песню мадам Нивуа. Но Себастьян, изысканно поблагодарив соседку и пожелав ей доброй ночи, буквально вытащил Софью на лестничную клетку.

– Дорогая, я жду вас в воскресенье! – объявила мадам, тщетно пытаясь задержать молодых людей. – И вы уверены, что месье доктору... ммм... стоит сопровождать вас в столь поздний час? Софи, ведь вам рано утром отправляться на работу!

Софья и доктор Хоуп, входя в прихожую ее квартиры, одновременно рассмеялись.

– Мадам желает свести меня со своим племянником, пресным и занудным типом, – сообщила почему-то шепотом Софья. – Если бы не вы, я осталась бы у нее в заложницах до утра, а возможно, и до воскресенья, когда к ней в гости пожалует разлюбезный Анри!

– Если племянник пошел в тетю, то искренне сочувствую вам, – ответил веселым тоном Себастьян. Он, не слушая возражений Софьи, расплатился с командой, открывшей дверь, и вручил девушке ключи.

– В следующий раз, мадемуазель, советую вам не забывать их в замке в обратной стороны, – произнес он и, взглянув на часы, добавил: – Не смею больше вас задерживать. Я и так отнял у вас слишком много времени.

Софья выпалила:

– Доктор Хоуп... Себастьян... Быть может, вы согласитесь задержаться на десять минут, чтобы... чтобы дать медицинские наставления. Вы же не можете бросить меня...

Себастьян с иронией в голосе заметил:

– Мадемуазель, вы совершенно правы – я же давал клятву Гиппократу, а следовательно, должен денно и ночно заботиться о благе пациентов. Однако я – практикующий психиатр, и мои познания в области неотложной медицины ограничены.

Софья, испытывая небывалое чувство эйфории, провела доктора Хоупа на кухню. Она попыталась приготовить цветочный чай, но чайничек, выскользнув у нее из рук, разбился. Себастьян скомандовал:

– Мадемуазель, отправляйтесь-ка немедленно в постель. И никаких возражений! Вам требуется отдых!

Софья прилегла на кушетке в гостиной – Себастьян подложил девушке под голову мягкую подушку и накрыл шотландским пледом. Софья, ощущая слабость и внезапную сонливость, произнесла:

– Доктор... Себастьян... вы – мой ангел-хранитель.

Доктор Хоуп исчез на кухне и вернулся через пять минут с подносом, на котором стояла большая кружка.

– Это поможет побыстрее заснуть, – сказал Себастьян. – И запомните – завтрашний день вы должны провести дома!

– Но я не могу, – сказала Софья, – моя работа в музее... Эстелла будет недовольна...

Она отхлебнула из бокала – напиток, приготовленный Себастьяном, обладал необычайным вкусом. С каждым глотком Софья ощущала, что силы покидают ее. Глаза слипались, она внимала журчащему голосу Себастьяна, который становился все тише и тише.

– Мадемуазель? – произнес доктор Хоуп.

Он взглянул на лицо мирно спавшей Софьи, поправил подушку и удовлетворенно пробормотал:

– Ну что ж, малышка, этот день был для тебя действительно чрезвычайно насыщенным.

* * *

Доктор Хоуп отнес бокал на кухню и тщательно его вымыл. Достав небольшой пузырек темного стекла, он вылил его содержимое в раковину. Затем, зайдя в кабинет Софьи, снял трубку телефона и набрал хорошо знакомый номер.

– Это Себастьян, – произнес он. – Красавица спит, снотворное подействовало за пару минут. Все прошло как нельзя лучше. Действуем в полном соответствии с планом.

Он повесил трубку, вернулся в гостиную, потушил верхний свет и зажег торшер.

Через минуту в дверь тихо постучали. Доктор Хоуп открыл ее, пропустив на порог двух злодейского вида типов, не далее как час назад совершивших нападение на Софью.

– Почему так долго? – хрипло спросил один из них. – Мы уже ждали тебя!

– Или ты решил соблазнить красотку? – заявил второй, грязно хихикая. – И довести до победного конца то, что не удалось нам?

– Вам было приказано отобрать у нее сумочку, а вы решили изобразить попытку изнасилования. Зачем? – спросил в раздражении Себастьян.

– Чтобы правдоподобнее выглядело, – ухмыльнулся бандит. – Да и девчонка прониклась к тебе доверием – еще бы, мы, два мерзких садиста, пытаемся лишить ее чести, а тут возникает ты, добрый красавец-доктор, который в два счета справляется с исчадиями ада!

– Она наверняка в тебя втюрилась, – гоготнул товарищ.

– Остается ждать, когда же малышка клюнет на приманку. А теперь занимайтесь тем, за что вам заплатили, – распорядился сухо Себастьян.

– Подложим девчонке кое-какие улики, – пробормотал бандит, снимая с плеча сумку и отправляясь в спальню.

Три минуты спустя все было завершено. Как и требовалось, в квартире Софьи Ноготкофф-Оболенской было спрятано несколько вещей.

Вынув из портмоне визитную карточку, доктор Хоуп положил ее на журнальный столик. Себастьян вышел из квартиры, прикрыв за собой дверь.

Этажом ниже его поджидала соседка мадам Нивуа. Увидев доктора Хоупа в сопровождении бандитов, она запричитала, подхватив на руку рыжую кошку:

– Ах ты, негодница, стоило мне только приоткрыть дверь, как ты выскочила!

Себастьян нахмурился – мадам наверняка была начеку, дожидаясь, когда гость покинет Софию.

– Ах, доктор, – засюсюкала соседка, прижимая к груди урчащую кошку, – вы уже уходите? А кто ваши спутники? Они ведь поднялись в квартиру Софии в столь поздний час всего пять минут назад. Что им требовалось?

– Мадам, от вашего пронизательного взгляда не ускользнет ни одна деталь, – ответил, криво усмехаясь, Себастьян. – Я проводил мадемуазель Ноготкофф-Оболенскую до дома, и на этом моя миссия завершена. А вы не задерживайтесь! – обернулся он к спутникам.

Бандиты сбежали по лестнице вниз.

– Что делали молодчики с физиономиями грабителей у Софи? – спросила не в меру любопытная мадам Нивуа. – Месье доктор, откуда у вас столь подозрительные приятели? И вообще, все ли в порядке с моей дорогой крошкой?

– Слишком много вопросов, мадам, – ответил Себастьян. – Боюсь, что в этом и заключается ваша беда – любопытство никогда до добра не доводит!

– Что вы хотите сказать? – наморщила длинный нос мадам Нивуа. – Запомните, молодой человек, что Софи равнодушна к моему племяннику Анри. Они буквально созданы друг для друга!

– Неужели? – произнес Себастьян, надвигаясь на мадам Нивуа.

– А вы как думали! Я сразу вас раскусила, вы – из породы жиголо, которые тем и промышляют, что влюбляют в себя глупышек наподобие Софи. Вам ведь хорошо известно, что ее бабка-княгиня до ужаса богата! Наверняка присмотрели себе невесту!

Себастьян приблизился к мадам Нивуа, и та торопливо заметила:

– Вы утверждаете, что психиатр, но, кажется, это не так. Убирайтесь, месье, утром я предупрежу Софи, чтобы она была с вами начеку. И в полицию сообщу, что вы якшаетесь со странными молодчиками!

– Не советую, мадам, – с угрозой в голосе произнес Себастьян.

Он грубо схватил соседку за шею, та выпустила кошку, которая с мяуканьем шмякнулась на пол. Доктор Хоуп толкнул мадам Нивуа обратно в квартиру, женщина, выпучив глаза, хрипела. Себастьян осторожно положил потерявшую сознание мадам Нивуа на пол.

Ему хватило нескольких минут, чтобы организовать «несчастный случай». Он наполнил ванну водой и положил туда соседку. Женщина приоткрыла глаза, и в то же мгновение сильные руки Себастьяна погрузили ее голову под воду. Мадам Нивуа не сопротивлялась – минуту спустя она была мертва.

Кошка с мяуканьем вбежала в ванную. Себастьян тщательно вытер пол ванной сухим полотенцем и сказал, обращаясь к кошке:

– Извини, но другого выхода, нежели как убить твою хозяйку, у меня не было. Она могла бы нарушить все наши планы, а этого допустить нельзя!

И он покинул квартиру мадам Нивуа. Когда тело соседки обнаружат, то сочтут, что она стала жертвой несчастного случая.

Себастьян вышел из дома и шагнул к ожидавшей его в темноте машине.

* * *

Софья проснулась от пронзительной трели телефона. Она вскочила с кушетки и подбежала к журнальному столику. На полированной поверхности она увидела визитную карточку: «Доктор психологии Себастьян Дж. Хоуп». На обратной стороне было начертано: «Мадемуазель, был вынужден вас оставить – желаю всего наилучшего! С.».

Схватив телефонную трубку, Софья услышала голос директрисы:

– Вы еще дома? Я более чем удивлена этим! Через час вас ожидают во дворце, так что извольте поторопиться!

Пробормотав извинения, Софья бросилась в ванную. Приняв душ и одевшись, она позвонила в клинику, чтобы справиться о состоянии здоровья бабушки.

– Мадам княгиня идет на поправку, – ответил профессор д'Атарье. – Она передает вам привет!

Ровно через двадцать пять минут Софья была в кабинете Эстеллы фон Лаутербах.

– Сеньор Луардес осматривает нашу экспозицию, – сообщила директриса, – когда он закончит, вы вместе с ним отправитесь во дворец. Великая княгиня Луиза-Аврора договорилась со своим кузеном, правящим князем, о том, чтобы вы смогли осмотреть экспонаты, которые на грядущей неделе отправятся в Коста-Бьянку.

Софью и сеньора Луардеса забрал черный лимузин с великокняжеским штандартом. До резиденции Гримбургов было не больше полукилометра, которые они преодолели за четверть часа – быстрая езда в княжестве не приветствовалась.

Когда лимузин миновал витые чугунные ворота, туристы, толпившиеся около дворца, зашелкали фотоаппаратами.

– Они приняли нас за представителей великокняжеской фамилии, – пояснила Софья. Она была во дворце всего один раз, зато бабушка регулярно навещала здесь свою старинную приятельницу княгиню Беатриссу.

Лимузин обогнул дворец, миновал парадную лестницу и остановился около бокового входа. Их встречала энергичная дама в фиолетовом костюме.

– Я – личный секретарь ее высочества княгини Луизы-Авроры, – представилась она, пожимая руку сначала Софье, а потом сеньору директору эльпараисского музея. – Мы предупреждены о вашем визите. Прошу следовать за мной!

Они поднялись по мраморной лестнице, оказались в величественном холле, сверкавшем позолотой, зашли в лифт, который доставил их на четвертый этаж. Софья хорошо разбиралась в генеалогии Гримбургов – с 1977 года престол занимал Клод-Ноэль Первый, у которого имелся единственный младший брат, Луи-Ксавье, числившийся в наследниках престола – так как великий князь не был женат и не имел законных детей, то в случае его смерти трон переходил ко второму отпрыску мужского рода. Великая княгиня Беатрисса, как по секрету сооб-

пила Софье бабушка, давно ищет подходящую невесту для старшего сына: главным критерием было наличие миллионного (а лучше миллиардного) состояния. Софье тоже пришлось как-то вальсировать с Клодом-Ноэлем – кажется, бабушка лелеяла тогда мечту выдать ее замуж за главу опереточной средиземноморской монархии. Однако Беатрисса быстро потеряла интерес к княжне – дюжины миллионов Ноготковых-Оболенских ей было мало. Сам же великий князь, совершенно запустивший государственные дела, предпочитал бездумно тратить деньги, удивляя всех экстравагантностью вкуса и сомнительными друзьями.

У отца Клода-Ноэля, великого князя Виктора-Иоанна, имелась родная сестра Октавия, вышедшая замуж за племянника датского короля. Она вместе с супругом погибла в автокатастрофе, когда их дочери, Луизе-Авроре, было семь лет. Беатрисса заботилась о племяннице, окружив ее материнской любовью и нежностью. Луиза-Аврора царила на страницах глянцевого журналов и, по слухам, с радостью помогала своему кузену Клоду-Ноэлю растранижировать и без того находившиеся в плачевном состоянии государственные финансы.

Луиза-Аврора была покровительницей музея изящных искусств; поверхностно разбираясь в живописи, архитектуре и истории, она считала себя величайшим специалистом в этих областях. Софья знала, что Эстелла лебезит и заискивает перед Луизой-Авророй, отличавшейся вздорным и злопамятным характером. Однажды княгиня заявила на выставку полотен Ренуара и начала нести перед камерами восхитительную чушь, путая даты, имена и события. Софья вежливо, но настойчиво поправляла ее, и Луиза-Аврора, обозвав ее «наглой плебейкой», заявила, что девушка абсолютно не разбирается в искусстве. Софья не осталась в долгу и прилюдно задала княгине несколько вопросов по творчеству великого импрессиониста, ни на один из которых та не сумела ответить. На следующий день все газеты княжества (целых пять!) вышли с заголовками: «Кузина великого князя попала впросак!» Бабушка потом сообщила Софье, что Луиза-Аврора просила двоюродного брата привлечь Софью к ответственности за оскорбление монаршей чести, на что тот со смехом ответил, что сестрице следует забыть о подобных средневековых глупостях и внимательнее следить за своим поведением на публике.

После этого Эстелла два месяца подряд заставляла Софью задерживаться допоздна, загружала ее ненужной работой по разбору архива и была недовольна абсолютно всем, что бы ни делала молодая княжна Ноготкофф-Оболенская. Софья не сомневалась, что подобные капризы со стороны директрисы объяснялись очень просто: она действовала по заданию Луизы-Авроры...

Секретарша провела их в личные апартаменты кухни великого князя – Луиза-Аврора обитала во дворце и даже содержала собственный малый двор, состоявший из льстецов, воздыхателей и бездарей, стремившихся сделать молниеносную карьеру.

– Сеньор Луардес, ее высочество немедленно примет вас, – произнесла секретарша, выйдя из кабинета своей патронессы. – Прошу вас!

Софья направилась вслед за директором музея, но секретарша преградила ей дорогу:

– Пардон, но вам велено дожидаться в приемной.

Луиза-Аврора годами помнила об оскорблениях! Софья погрузилась в кресло и принялась ждать. Если кузина Клода-Ноэля решила, что сумеет пронять ее этим, то глубоко ошиблась. Внезапно у девушки мелькнула странная мысль: если Луиза-Аврора, по словам Эстеллы, подала идею о выставке фамильных драгоценностей в Эльпараисо, то почему же она согласилась с тем, чтобы заместителем куратора была назначена та, которую она ненавидела более всего, – княжна Софья Ноготкофф-Оболенская?

Через несколько минут секретарша объявила:

– Мадемуазель, ее высочество ждет вас!

* * *

Софья, вздохнув, направилась в кабинет Луизы-Авроры. Он был обставлен с потрясающим безвкусием: хозяйка жаждала довести до сведения любого и каждого, кто переступал порог, что она принадлежит к самой древней европейской династии, которая бессменно сидела на троне с 1329 года. Серебристый шелк, драпировавший стены, был усыпан золотой вышивкой – замершим в прыжке львом, гербом венценосного клана, и пурпурными инициалами LAG (Луиза-Аврора Гримбург), увенчанными княжеской короной.

Стены были украшены дорогими картинами – изображениями правителей княжества прошлых веков, среди которых выделялся портрет покойной матушки Луизы-Авроры, княгини Октавии, кисти Оскара Кокошки, а также творениями нескольких экспрессионистов (Софье бросился в глаза один из вариантов «Крика» Эдварда Мунка), мастеров старой фламандской школы и Энди Уорхола. Тут же в глаза посетителей бросились фотографии, сделанные самой Луизой-Авророй, – африканские пейзажи, охота на слонов в Кении и Бертран во время августовской регаты.

Луиза-Аврора, миниатюрная моложавая дама неопределенного возраста (вообще-то ей было тридцать пять или тридцать шесть), с иссиня-черными волосами и огромными зелеными глазами, принимала комплименты в свой адрес. Сеньор Луардес пел дифирамбы фотографиям княгини, хотя они, если честно, представляли собой хорошие работы дилетанта – много красок, но мало эмоций. Луиза-Аврора сделала вид, что не заметила появления Софии. Латиноамериканец смолк, княгиня соизволила бросить на Софью мимолетный взгляд и, скривившись, как будто хлебнув уксуса, произнесла:

– Ах, наконец-то и вы, милейшая! Вы заставляете себя ждать!

– Ваше высочество, – пренебрегая придворным этикетом, возразила Софья, – я прибыла вместе с сеньором Луардесом, но мне было велено дожидаться в приемной.

– Неужели? – заметила недовольным тоном Луиза-Аврора. – Сеньор Луардес, было очень приятно узнать мнение такого знатока искусства, как вы. Увы, увы, далеко не все, кто работает в музеях моего княжества, обладает подобными глубокими познаниями и безупречным вкусом. Ах, милейшая, что вы скажете об этом?

Луиза-Аврора указала рукой, униженной перстнями с непомерно огромными камнями, на одну из фотографий: на ней была изображена изможденная африканка с глиняным кувшином на голове. Софья не сомневалась, что «шедевр» был работой самой княгини. Секунду Софья размышляла: сказать правду, тем самым спровоцировав скандал, или польстить Луизе-Авроре, что было бы величайшим прегрешением против стиля. Наконец обтекаемо, очень серьезным тоном Софья ответила:

– Ваше высочество, такое я вижу впервые.

Луиза-Аврора напрасно дожидалась от нее еще какого бы то ни было комментария. Сеньор Луардес зашебетал, превознося небывалый ракурс (еще бы, подумала Софья, Луиза-Аврора умудрилась выбрать наихудший) и запоминающееся сочетание красок (режущих глаз и вызывающих головную боль). Луиза-Аврора мрачно уставилась на Софью и, оборвав директора музея на полуслове, заявила:

– Ну что же, не будем терять времени! Вы прибыли для того, чтобы осмотреть драгоценности, которые отправятся на выставку в Эльпараисо? Милейшая, не забывайте, что отвечаете за них головой!

Софью удивило замечание княгини – за сохранность сокровищ Гримбургов во время транспортировки и работы выставки призваны отвечать служба охраны и страховые компании, в ее же обязанности входят организационно-административные вопросы.

Луиза-Аврора подняла трубку телефона и сказала в нее:

– Катрин, сообщите месье Новаку, что мы сейчас спустимся в хранилище. – Затем княгиня, по-прежнему игнорируя Софью, сказала сеньору Луардесу: – Драгоценности, хотя номинально и являются собственностью нашего семейства, не могут быть проданы без разрешения парламента. Корона, скипетр и держава, скажу вам по секрету, хранятся во дворце, в потайной бронированной комнате около библиотеки.

– Однако я вчера лицезрел драгоценности короны в ратуше! – изумился директор южно-американского музея.

Луиза-Аврора рассмеялась:

– О, это одна из уловок! В ратуше выставлены первоклассные копии, частично с подлинными самоцветами, частично со стразами. Корону мой кузен Клод-Ноэль надевает всего несколько раз в год – выступая с речью при открытии и закрытии сессии парламента и во время ежегодного праздника Святого Иоанна, сопровождающегося торжественной литургией в кафедральном соборе. Так что удобно иметь корону под рукой. Впрочем, это же простой золотой обруч с зубцами, который представляет собой в первую очередь историческую ценность. А вот то, что действительно ценно, хранится под землей. Следуйте за мной!

Они вышли из апартаментов и отправились за Луизой-Авророй в соседний зал. Мебель здесь, как, впрочем, и в некоторых других залах, была накрыта чехлами, люстры завернуты в целлофан. Дворец, строившийся и перестраивавшийся на протяжении трех столетий, объединял несколько стилей – от готики до классицизма – и насчитывал почти две тысячи комнат, жилыми из которых было не более двадцати.

Луиза-Аврора подошла к стенному панно, изображавшему пожилого мужчину в седом парике, сияющих доспехах и с пурпурной мантией, сидящего на вздыбленном коне, под копытами которого извивались сарацины.

– Мой пращур великий князь Виктор Второй, – сообщила Луиза-Аврора. – Именно благодаря его храбрости и военному гению княжеству удалось сохранить независимость и не пасть под натиском османских завоевателей.

Софья заметила:

– Ваше высочество, сие батальное полотно изображает не Виктора II, который правил княжеством всего лишь неполных два года и скончался в 1514 году от оспы, а его второго сына и наследника Иоанна Пятого, который, в этом вы правы, был одним из выдающихся правителей Бертрана и защитил его от воинственных рыцарей-мусульман.

Луиза-Аврора прищурилась.

– Милейшая, если мне понадобятся уроки истории, то я не премину воспользоваться вашей помощью. Сеньор Луардес, не сообразовали ли прочесть, что написано на табличке?

Директор музеев, склонившись, пробормотал:

– Его высочество великий князь... Ах, к сожалению, дальше не разобрать!

– Я же говорила, что это и есть Виктор Второй! – зло бросила Луиза-Аврора. – Но не суть важно. Дело в том, что портрет скрывает потайной ход, который раньше соединял дворец и темницу, – так великий князь мог принимать участие в допросе бунтовщиков и государственных преступников, не покидая дворца.

Софья ощутила на себе пристальный взгляд княгини – как будто, говоря о бунтовщиках и государственных преступниках, она имела в виду ее!

– Их высочества могли веселиться на балу, а когда наставало время, покидали своих гостей на полчаса, чтобы спуститься в казематы, где пытали посмеявшихся противиться их воле! – отчеканила Луиза-Аврора. – С начала девятнадцатого века темница не используется, на протяжении многих десятилетий она стояла пустой, а во время Второй мировой войны мой дед Виктор Четвертый укрывал там евреев, подлежащих депортации. Генералы вермахта и не подозревали, что под залами, где в их честь устраивались пышные приемы, обитают, как в небольшом подземном городе, несколько сотен несчастных! В пятидесятые годы из бывшей тюрьмы сде-

лали противоатомный бункер – на случай, если бы сумасшедшие коммунисты, ваши соотечественники, милейшая, – покосилась на Софью княгиня, – решили атаковать Европу континентальными ракетами.

– Ваше высочество, насколько мне известно, бабушка мадемуазель Ноготкофф-Оболенской бежала из России после революции, так что упрекать ее внучку в симпатиях к социалистическому режиму было бы нечестно, – вступился за Софью сеньор Луардес.

Луиза-Аврора, хмыкнув, ответила:

– Кто знает, сеньор директор, кто знает... Сколько волка ни корми...

Она потянула золоченый шнур, висевший в углу, полотно с изображением победы над басурманами отошло в сторону, обнажив металлическую дверь с кодовым замком. Луиза-Аврора набрала длинную комбинацию, и дверь, зашипев, отворилась.

– Только после вас, мадам княгиня, – пропуская первой Луизу-Аврору, сказал директор.

Софья, подойдя к черному проему, из которого тянуло сыростью и холодом, бросила взгляд на табличку, прикрепленную к роскошной раме: «Его высочество великий князь Иоанн V». Так и есть, Луиза-Аврора снова ошиблась, а галантный сеньор Луардес постеснялся заявить ей об этом в глаза.

– Ну что же вы, милейшая? – раздался нетерпеливый голосок княгини. – Пошевеливайтесь, дверь снабжена часовым механизмом и захлопывается ровно через тридцать секунд после того, как была открыта.

Вспыхнул яркий свет, они оказались в крошечном помещении: с одной стороны виднелись двери лифта, с другой – массивная металлическая решетка, а за ней вились истертые ступени, уводившие куда-то вниз.

– Если желаете, милочка, можете прогуляться до самого низа, – ядовито заметила Луиза-Аврора. – Но мы с сеньором Луардесом предпочтем воспользоваться лифтом.

В кабине не было кнопок, но как только двери закрылись, она пришла в движение. От перепада давления у Софьи заложило уши. Спустя десять секунд кабина замерла на месте.

– Мы прибыли, – заявила княгиня, и двери, подчиняясь неведомой команде, распахнулись.

Софья слышала, что под дворцом имеется подземный ход, и в ее воображении он рисовался мрачным помещением со сводчатым потолком, покрытым мхом и плесенью и с которого мерно капает вода, по лабиринту с визгом носятся крысы, а в нишах на ржавых цепях покачиваются почерневшие, затянутые паутиной скелеты.

Она ступила на бетонный пол – стены были выкрашены нежно-сиреневой краской, на потолке гудели вентиляторы, и бункер походил не на декорации к триллеру, а на полицейский участок или больницу.

– Ваше высочество, ваша секретарша доложила мне, что вы и ваши гости придете для осмотра драгоценностей, – раздался низкий голос.

Софья заметила высокого мужчину – он был абсолютно лыс, крошечные, глубоко посаженные черные глаза и густые брови придавали ему злобный вид. Субъект был облачен в элегантный темно-серый костюм.

Он поклонился княгине, и та представила его южноамериканцу:

– Месье Карл Новак, шеф охраны дворца. В его руках – жизнь династии!

Софья отметила странный блеск в глазах начальника охраны. Этот человек показался ей на редкость двуличным и чрезвычайно опасным.

– А это мадемуазель... гм... Ноготкофф-Оболенская, – протянула Луиза-Аврора, даже не поворачиваясь в сторону Софьи. – Она нас... сопровождает.

Карл Новак, протянув девушке руку, смерил ее недобрый, тяжелый взглядом. Софья поежилась – у нее создалось впечатление, что шеф дворцовой охраны внимательно изучает ее. Его глаза, два черных бриллианта, сверкнули и погасли.

– Мадемуазель Ноготкофф-Оболенская является заместителем куратора выставки великокняжеских драгоценностей, – добавила Луиза-Аврора. – Она будет сопровождать месье Луардеса в Эльпараисо, где, как вы знаете, Карл, вскоре откроется выставка этих раритетов ювелирного искусства!

– Я с удовольствием продемонстрирую вам сокровища, которые мне по долгу службы приходится охранять, – с легким наклоном головы произнес Новак. – Я занимаю должность начальника охраны дворца в течение последних восьми лет, и за это время был принят ряд мер, которые обеспечивают не только безопасность великокняжеского семейства, но и сохранность шедевров, которые здесь находятся. Одни только картины, статуи и мебель, что размещены во дворце, застрахованы на многие сотни миллионов. Но самое ценное, уверяю вас, спрятано здесь, под землей, где оно надежнейшим образом защищено от грабителей.

– Неужели никто ни разу не попытался ограбить дворец? – спросил сеньор Луардес.

Они шествовали по бесконечному коридору с великим количеством совершенно одинаковых металлических дверей. Софья заметила видеокамеры, которые наверняка отслеживали каждый их шаг.

– Отчего же, – ответил Новак, – попытки были. В сентябре 1927 года неизвестные, пользуясь отсутствием великокняжеской четы, вынесли из дворца драгоценности на огромную сумму – по слухам, действовали две известные в те годы воровки. Нацисты, оккупировав Бертран, вывезли многие шедевры в Германию, но после окончания войны большая их часть – но, к сожалению, не все! – вернулась на прежнее место. Кое-какие картины до сих пор считаются утраченными. За последние сорок лет из дворца исчезло несколько предметов искусств – вероятнее всего, кто-то из многочисленных слуг попросту прихватил их, желая обеспечить себе прибавку к жалованью. С тех пор как я занял должность главы охраны, подобным инцидентам положен конец – одного из лакеев поймали с поличным, он до сих пор отбывает срок в Святой Берте. Но вы, я полагаю, имеете в виду грандиозные нахальные ограбления, когда воры отключают сигнализацию и выносят сокровища на многие миллионы. Такое в Бертрane невозможно!

– Однако если учесть, что драгоценности вскоре покинут Бертран и будут переправлены за океан, – заявила Луиза-Аврора, – то возникает вероятность того, что их могут похитить!

– Клянусь, ваше высочество, в моем музее подобное напрочь исключено! – воскликнул глубоко уязвленный словами княгини сеньор Луардес. – У нас установлена новейшая система защиты, преодолеть которую невозможно.

Карл Новак, остановившись около распределительного щита, раскрыл его, что-то нажал, и часть стены отъехала в сторону.

– Как вы видите, в коридоре сто двадцать дверей, и тот, кто умудрится попасть сюда, не будет иметь представления, за какой из них находятся драгоценности, – сообщил Новак. – Даже взломав все, на что потребуются несколько месяцев упорного труда, он не найдет подлинных сокровищ, там только стекляшки. Вход в хранилище на самом деле располагается именно здесь!

Он поколдовал над металлической дверью, которая оказалась за беззвучно отъехавшей стеной, та распахнулась, и посетители попали в коридор, кишевший подчиненными Новака.

– А здесь грабителей встретят и схватят, – сказал он и направился к огромной круглой двери. – Полтора метра бронированной стали, такую ничем не возьмешь. Чтобы попасть за нее, требуется ввести кодовое слово, два пароля – цифровой и буквенный, дать компьютеру на сравнение отпечаток своего большого пальца...

– А если грабители отрежут его у вас и приложат к сенсору? – спросил опасливо директор из Эльпараисо.

Новак, который последовательно совершал все вышеперечисленные действия, ответил:

– Компьютер изучает не только папиллярные линии, но также и температуру пальца, его положение, угол наклона и так далее – если что-то покажется ему подозрительным, то немедленно взвоят сирены. Но и это еще не все...

Круглая дверь, еле слышно чихнув, открылась. Новак с легкостью потянул ее на себя, гости последовали за ним в небольшую комнату, одна из стен которой представляла собой компьютер самого последнего поколения.

– Даже попав в это помещение, вы будете подвергнуты еще двум проверочным процедурам, – сказал Новак. – И это помимо того, что видеокамеры передают изображение в центр охраны и вероятность того, что вы незамеченными проникнете сюда, равна нулю.

Он подошел к компьютеру, набрал на клавиатуре пароль и пояснил:

– Кодовое слово меняется каждый день, и оно известно всего нескольким персонам, в том числе мне.

– Если что-то с драгоценностями и случится, то найти виновного очень легко! – пошутил сеньор Луардес.

Начальник охраны осклабился и произнес:

– Вы правы! Ну что ж...

Экран компьютера замигал, на нем высветилась надпись: «Доступ разрешен». Стенная панель отошла, обнажив небольшой глаз видеокамеры. Новак, подойдя к ней, прислонил лицо к камере и пояснил:

– Вот наконец-то последняя ступень защиты – компьютер сканирует рисунок моего глазного дна. Он, как и отпечатки пальцев, у каждого индивидуален.

Металлический голос произнес:

– Месье Новак, добро пожаловать в хранилище драгоценностей династии Гримбургов.

– Компьютер узнал меня, – усмехнулся шеф охраны. – В его памяти сохраняется время, а также имя того, кто получает доступ в хранилище.

Стена отъехала в сторону, открывая доступ в комнату, залитую рассеянным светом. И Новак объявил:

– Мы у цели, дамы и господа. Ваше высочество, прошу!

Луиза-Аврора прошествовала в помещение, за ней последовали сеньор Луардес и Софья. Карл Новак замыкал процессию. Едва он переступил порог, дверь быстро задвинулась.

– Если даже бандиты возьмут меня в заложники, – добавил начальник охраны, – и принудят открыть дверь, то, оказавшись в хранилище, они попадут в ловушку – чтобы выйти отсюда, потребуется набрать пароль и позволить компьютеру отсканировать глазное дно.

Софья осмотрелась – она впервые была в хранилище великокняжеских драгоценностей. Ее внимание привлекли несколько стендов: под стеклом сияли и переливались ожерелья, диадемы, браслеты.

Сеньор Луардес пробормотал:

– Потрясающе! Это одно из самых грандиозных собраний драгоценностей, которое я когда-либо видел в своей жизни!

– Гримбурги в семнадцатом веке считались богатейшей династией Старого Света, – промолвила Софья. – Ведь они состоят в родстве с родом Медичи, которые когда-то занимались банковским ремеслом. Насколько мне известно, в те годы великие князья скупали драгоценности, не жалея денег, тем более что в Европе шла Тридцатилетняя война и сокровища можно было приобрести по дешевке.

Луиза-Аврора недовольно заметила:

– Милейшая, в хранилище масса драгоценностей более позднего периода!

Сеньор Луардес, подойдя к одному из стендов, всплеснул руками:

– Что за чудо!

– Золотой столовый сервиз, инкрустированный жемчугом, рубинами и алмазами, – сказал Карл Новак. – Состоит из ста двадцати четырех единиц, был изготовлен в 1598 году к восшествию на престол Александра-Мануэля Гримбурга.

Луиза-Аврора, перехватив инициативу, принялась демонстрировать сокровища, повествуя о том, как они попали к ее предкам. У Софьи заболела голова от сверкания камней и блеска золота.

– Взгляните на ожерелье, изготовленное для великой княгини Доменсцианны, – пригласила Луиза-Аврора. – Таких уникальных изумрудов вы никогда не видели! Моя прапрапрабабка надевала его всего два раза, потому что сие кольцо, как она жаловалась своему супругу, неимоверно тяжелое – еще бы, оно состоит из трехсот семнадцати камней размером от двух до ста семидесяти пяти каратов...

Сеньор Луардес делал отметки в большом блокноте. Софья подошла к одному из стендов – под стеклянным колпаком, на черном бархате, возлежала самая идеальная и огромная жемчужина, которую она когда-либо видела. Оказавшийся рядом Карл Новак пояснил:

– «Ангел», приобретенный великим князем Мишелем-Оноре для своей супруги, русской принцессы Елены Павловны, в 1907 году. Жемчужину обнаружили в раковине на дне Красного моря, она – одна из самых больших в мире! Великому князю пришлось отдать за нее целое состояние!

Новак, приподняв стеклянную пирамиду, двумя пальцами вынул жемчужину и протянул ее Софье. Девушка осторожно взяла ее: «Ангел» имел грушевидную форму и отливал нежно-розоватым оттенком.

– Представляете, сколько в мире людей, готовых ради подобной вещицы перерезать горло доброму десятку человек? – произнес внезапно Карл Новак. В его темных глазах сверкнул дьявольский огонь.

– Месье, – спросила Софья, – а вас не пугает ежедневно видеть все эти бесценные сокровища?

Шеф охраны рассмеялся:

– Я давно перестал думать о том, сколько стоит тот или иной экспонат. Для меня все эти прелестные украшения – не более чем часть интерьера.

Софья уловила в словах Новака фальшивые нотки. Она слышала о том, что люди, работающие на монетном дворе, привыкают к тому, что имеют дело с банкнотами, да и она сама никогда не задумывалась над тем, что в музее изящных искусств выставлены картины стоимостью в миллионы. Однако Карл Новак...

Она видела, с каким благоговением он держал в руке жемчужину, как сияли его глаза, когда он дотрагивался до ожерелья или диадемы. Нет, нет, начальник охраны явно лукавит: драгоценности не дают ему покоя, они будоражат его душу!

Сеньор Луардес, насытившись экскурсией по хранилищу, заявил:

– Ваше высочество, благодарю вас за то, что мне была предоставлена возможность осмотреть семейные реликвии. Я более чем уверен, что выставка в Эльпараисо станет международной сенсацией! Моя страна, как вам известно, является одним из мировых экспортеров изумрудов, однако таких великолепных драгоценностей в Коста-Бьянке нет!

Карл Новак вывел посетителей из помещения и проводил наверх, во дворец. Директор латиноамериканского музея никак не мог успокоиться и непрерывно исторгал комплименты. Луиза-Аврора, мило попрощавшись с ним, велела начальнику охраны последовать за ней в кабинет.

Когда за ними закрылась дверь, Луиза-Аврора произнесла:

– Что ты скажешь, Карл?

– Уверен, что выбор сделан как нельзя лучше, – ответил начальник охраны. – Она не произвела на меня впечатления особо умной особы.

– Эта русская княжна сидит у меня в печенках! – в сердцах воскликнула Луиза-Аврора. – Я буду спать намного спокойнее, зная, что она больше не работает в Бертроне!

Новак, подойдя к княгине, притянул ее к себе и поцеловал. Луиза-Аврора обвила его шею руками и прошептала:

– Карл, каждый раз, когда я вижу фамильные драгоценности, то думаю об одном: почему, если они формально принадлежат моему семейству, я не имею права ни на один, даже самый крошечный, камешек?

– Скоро все изменится, – ответил Карл Новак. – Если бы ты знала, Луиза, сколько планов по похищению драгоценностей я разработал, но ни один из них не увенчался бы успехом. Похитить сокровища Гримбургов из подземного бункера невозможно! И даже если это произойдет, то я автоматически попаду в поле зрения полиции!

Луиза-Аврора высвободилась из объятий Новака.

– Ты был прав, когда сказал, что похищение должно произойти за пределами княжества. Коста-Бьянка как нельзя лучше подходит для этого: южноамериканская республика, которой правит военная хунта. Мне стоило больших трудов убедить Клода-Ноэля и в особенности его матушку, мою тетку Беатриссу, дать согласие на отправку драгоценностей в Эльпараисо. Они и не подозревают, что никогда больше не увидят сокровищ! Карл, ты сказал, что у тебя уже имеется несколько клиентов, которые проявили интерес к драгоценностям Гримбургов?

– Так и есть, – подтвердил Новак. – Мы не сможем продать их на аукционе, но найдется масса богатеев, готовых отвалить за них небывалые суммы.

Луиза-Аврора наморщила лоб и в раздражении заметила:

– Меня бесит, что Эстелла хочет получить свою долю. Я и не подозревала, что мадам директриса такая жадная!

– Не стоит экономить, – промурлыкал Новак. – Эстелла спесивая и глупая, с ней нужно быть начеку. Однако ей удалось сделать так, чтобы маленькая Софи заняла должность ее заместительницы. Эстелла понимает, что ответственность за похищение драгоценностей в Эльпараисо ляжет в том числе на куратора выставки.

– В нашем случае наказание понесет один-единственный человек – негодница Софья Ноготкофф-Оболенская, – отчеканила Луиза-Аврора. – Когда мы получим деньги за драгоценности, то я наконец-то смогу уехать из Бертрона, этой деревни! Но ты уверен, что девчонка не сумеет доказать свою невиновность?

Новак кивнул:

– Даже при большом желании у Софьи это не получится! Ведь бедняжка скончается, а мертвые, как известно, не особенно разговорчивы. Драгоценности исчезнут, все улики будут указывать на то, что маленькая княжна способствовала их похищению. Полиция закроет дело!

Луиза-Аврора, поведя плечами, осторожно спросила:

– Карл, а ты уверен, что убийство... Софья вызывает у меня изжогу, и все же... Как ты думаешь, имеется ли возможность повернуть все... ммм... без крови?

Начальник охраны дворца, сверкнув глазами, ответил:

– Софья должна умереть! Живая, она представляет для нас опасность, девочка, попав в руки полиции, вывалит ворох информации, и кое-кто сможет докопаться до истины. А вот когда они наткнутся на холодное тело юной княжны, то не смогут ничего перепроверить.

– Наверное, ты прав, – ответила с сомнением Луиза-Аврора. – А кто займется этим? Я имею в виду ликвидацию Софьи...

– Всеу свое время, – загадочно ответил Карл Новак. – Дорогая, уверяю, тебе совсем необязательно вникать во все подробности предстоящего грандиозного похищения великокняжеских драгоценностей. Ты ведь доверяешь мне?

– Конечно, Карл, я тебе доверяю! – произнесла княгиня.

Луиза-Аврора сделалась любовницей Новака около двух лет назад. Она восхищалась Карлом и боялась его. Как-то он обмолвился, что убил человека, пытавшегося помешать его планам. С такими людьми, как Новак, шутить крайне опасно. Луиза-Аврора знала, что находится в полной от него зависимости.

Новак подтолкнул ее к кожаному дивану. Луиза-Аврора подумала о том, что вскоре Софье Ноготкофф-Оболенской придется умереть. Что ж, она – неизбежная жертва. Кто-то же должен расплачиваться за преступление, замышленное и совершенное ими: Луизой-Авророй Гримбург и Карлом Новаком.

Телефон на столе княгини зазвонил, Луиза-Аврора попыталась подняться с дивана, но Карл Новак грубо удержал ее.

– А сейчас, дорогая, ты доставишь мне удовольствие, – заявил он. – Ну, приступай!

Новаку льстило, что его любовницей является кузина великого князя. Об их связи никто не знал. Карл понимал, что никогда не сможет стать супругом Луизы-Авроры. Собственно, он к этому и не стремился, в его жизни определяющим было одно – стремление к власти. Завладев драгоценностями Гримбургов, он получит ее и сможет воплотить в жизнь те планы, которые не давали ему покоя уже многие годы.

* * *

Софья вернулась с сеньором Луардесом в музей изящных искусств, где их ожидала Эстелла. Та несколько раз звонила во дворец, пытаясь узнать у Луизы-Авроры, как все прошло, но та не брала трубку. Наконец-то княгиня соизволила объявиться. В туманных фразах (телефонная линия была надежной, но кто знает?) она обрисовала ситуацию и добавила:

– Карл остался доволен твоим выбором.

Фраза означала одно: с этого момента жить Софье Ноготкофф-Оболенской оставалось всего несколько дней.

Эстелла, воспрянув духом, чрезвычайно любезно встретила свою заместительницу и южноамериканского директора. Тот фонтанировал эмоциями, восхищаясь драгоценностями, которые предстояло вывезти в Эльпараисо.

– Софья, на сегодня можете быть свободны, – произнесла Эстелла фон Лаутербах. – Надеюсь, состояние здоровья вашей бабушки позволит вам отправиться в Коста-Бьянку?

Узнав о том, что старая княгиня оказалась в мемориальной клинике с подозрением на инфаркт, Эстелла по-настоящему испугалась: если бабка умрет или, что еще хуже, ее разобьет паралич, то Софья, верная любящая внучка, останется в Бертроне, и все усилия пойдут прахом. На то, чтобы найти замену, понадобится время, а его не было! Однако, побеседовав с лечащим врачом старухи, Эстелла успокоилась. Несмотря на преклонный возраст, Елизавета Ноготкофф-Оболенская чувствовала себя приемлемо и, к радости директрисы, настаивала на том, чтобы внучка полетела в Коста-Бьянку.

– Мадам, бабушка идет на поправку, и она уверила меня, что лучшим лекарством для нее будут мои фотографии в газетах с выставки в Эльпараисо, – ответила Софья.

Эстелла тонко улыбнулась. Эта дурочка и не представляет, что репортажи, в которых она будет фигурировать как главная героиня, будут совсем иного рода, чем думает старая княгиня.

– Сеньор Луардес, вы хотели обсудить со мной кое-какие аспекты освещения в прессе предстоящей выставки, а также утвердить окончательный список тех драгоценностей, которые подлежат транспортировке в Южную Америку, – сказала Эстелла. – Вы же знаете, что даже с учетом того, что выставка находится под патронатом ее высочества Луизы-Авроры, необходимо соблюдать массу формальностей и получить неимоверное количество разрешений на вывоз паритетов за границу...

Софья, обрадовавшись тому, что ее рабочий день подошел к завершению, распрощалась. Впереди было воскресенье, а затем ее ожидала поездка в Коста-Бьянку. Вернувшись домой, девушка наткнулась на полицейскую машину и неотложку. Из подъезда на носилках вынесли кого-то, с головой накрытого белой простыней.

– Что случилось, мадам? – предчувствуя неладное, спросила Софья у одной из соседок. Та словоохотливо пояснила:

– Оливия Нивуа, бедняжка, утонула в ванне! Ее кошка не давала мне покоя, всю ночь мяукала и выла, Оливия не отвечала ни на телефонные звонки, ни на стук в дверь. А племянник, который прибыл час назад, обнаружил тетю бездыханной. Что за судьба!

Софья в ужасе посмотрела на карету «Скорой помощи». Еще ночью мадам Нивуа была бодра и жива и вот, спустя всего несколько часов, умерла.

– Но как такое могло произойти? – спросила Софья.

– Пока что подробности неизвестны, однако вероятнее всего, что произошел нелепый несчастный случай, – сказала соседка. – Оливия решила принять ванну, и...

Софья задумалась: прошедшей ночью, когда она пила чай в обществе мадам Нивуа, дожидаясь, пока спасатели вскроют ее дверь, мадам Нивуа была облачена в халат и наверняка после ее ухода отправилась в постель. Но ее тело обнаружили в ванне! Вряд ли около двух часов ночи она испытала острую необходимость вымыться. Как же могло получиться, что ее тело нашли в воде?

Объяснение было простым: наверняка мадам решила принять ванну утром, тогда же и произошло несчастье. Однако соседка только что сказала, что кошка, любимица мадам Нивуа, заменявшая ей покойного мужа и детей, выла всю ночь. Получается, что любопытная Оливия умерла в самый глухой час?

Мысли пронеслись в голове Софьи, девушка, не найдя ответа ни на один из своих вопросов, решила предоставить полиции выяснять правду. Она навестила племянника мадам Нивуа, неуклюжего полного Анри, выразила ему свои соболезнования и выслушала его сбивчивый рассказ. Сидя в гостиной и прихлебывая невкусный холодный чай (а вот покойная мадам Нивуа, при всех ее недостатках, умела готовить великолепный напиток!), Софья делала вид, что внимает повествованию Анри, а в действительности думала о предстоящем путешествии в Коста-Бьянку.

Рыжая кошка крутилась под ногами, гоняя что-то по полу.

– Моя тетушка была святым человеком, – вещал Анри, утирая слезы. – Она воспитала меня, относилась ко мне как к собственному сыну, и вот – такая ужасная судьба! О, если бы я только приехал на день раньше! Тогда бы трагедии не произошло!

Кошка подбежала к Софье и, выгнув спинку, потерлась о ее ногу. Девушка наклонилась, потрепала животное за ушками. словно в благодарность, кошка положила перед Софьей бесформенный красный предмет. Присмотревшись, девушка увидела, что на паркете покоилась уже порядком распотрошенная кошкой увядшая красная гвоздика.

Откуда она взялась в квартире мадам Нивуа? Та постоянно жаловалась, что страдает аллергией на цветочную пыльцу, и не держала ни единого растения. Софья подняла гвоздику. Внезапно ей вспомнилось: доктор Себастьян Хоуп, спасший ее накануне от бандитов, был в смокинге, петлицу которого украшала бутоньерка – алая гвоздика!

Кошка, думая, что Софья играет с ней, выхватила цветок у нее из рук и бросилась в смежную комнату. Девушка тотчас отмела нелепое подозрение – мадам Нивуа погибла в результате несчастного случая, а гвоздика... Ну конечно же, Себастьян ведь тоже зашел в гости к мадам, наверное, прошлой ночью он и обронил гвоздику, которую кошка соседки избрала в качестве трофея.

Успокоив Анри и пожелав ему стойкости духа, Софья пошла к себе в квартиру. Она позвонила в больницу и осведомилась о состоянии здоровья бабушки. Как только она поло-

жила трубку, в дверь позвонили. Открыв ее, Софья увидела на пороге молодого человека в униформе, в руках он держал большую корзину с бордовыми розами.

– Мадемуазель Ноготкофф-Оболенская, это для вас, – произнес посыльный и вручил ей корзину.

Софья зарделась. Среди цветов она обнаружила перевязанный золотистой лентой конверт. Как Софья и предполагала, цветы прислал доктор Хоуп. «Софья, – гласило письмо, – сочту за честь пригласить вас сегодня вечером на ужин – в 20.00. Я заеду за вами. С.».

Софья несколько раз перечитала коротенькое послание. Неужели Себастьян – тот человек, которого она так давно искала? Ой, о чем это она... Они встретились меньше суток назад, причем при весьма странных обстоятельствах! И все же – английский доктор произвел на нее неизгладимое впечатление, и она, судя по всему, на него тоже.

Запретив себе думать о том, что ожидает ее вечером, Софья занялась работой. Ей предстояло уладить множество дел до отлета в Коста-Бьянку. Но девушка то и дело возвращалась в мыслях к Себастьяну. Он ведь мог уехать из княжества, так и не связавшись с ней. А цветы и приглашение на ужин... Наверное, она торопит события, и бабушка права – ей нужно забыть о том, что случилось раньше, и время от времени, в промежутках между работой, выходить в свет.

Взглянув на разложенные перед собой записи, планы и каталоги, Софья поняла, что за три часа, пролетевших с того момента, как посыльный принес цветы от Себастьяна, она мало что сделала и думала только об одном – о галантном психиатре.

Смирившись с тем, что работе придется подождать, Софья направилась в спальню и раскрыла платяной шкаф. О выставке драгоценностей династии Гримбургов она подумает потом, а сейчас ей предстоит решить куда более животрепещущую проблему: во что одеться, идя на встречу с Себастьяном?

Она остановила свой выбор на вечернем туалете от Жана-Поля Годо – темно-синий, практически черный переливающийся шелк, открытая спина и глухой ворот. Когда в дверь позвонили, Софья пыталась отыскать подходящие туфли. Пришлось босиком, в шикарном вечернем платье (она надевала-то его всего единожды, на прием во дворце по случаю юбилея великой княгини Беатриссы), поспешить в прихожую.

Доктор Хоуп был безумно элегантен в смокинге; Софья, улыбнувшись, пробормотала:

– Себастьян, я вынуждена произнести сакраментальную женскую фразу: мне потребуется пять минут, чтобы собраться!

Себастьян, уверив Софью, что он подождет столько, сколько нужно, прошел в гостиную. Пока девушка собиралась, он проверил книжный шкаф – вчерашняя папка была на месте. Когда смущенная хозяйка квартиры предстала перед глазами гостя, он, сидя в кресле, пролистывал журнал по искусствоведению.

Отложив журнал в сторону, Себастьян поднялся и, наклонив голову, произнес:

– В вас сразу чувствуется дворянская кровь, Софи. Вы разрешите мне называть вас так?

* * *

Софья замешкалась с ответом. Она предчувствовала, что вечер в обществе доктора Хоупа станет незабываемым. Спускаясь по лестнице, они столкнулись с Анри – племянник мадам Нивуа, тяжело вздыхая, возился около двери. В руках у него были пакеты с эмблемой дорогого супермаркета для домашних животных – мадам Нивуа, по природе скряга, покупала для своей рыжей любимицы самые дорогие консервы. Почувствовав укоры совести, Софья поспешила помочь Анри.

– Чрезвычайно любезно с вашей стороны, мадемуазель, – сказал он, наконец справившись с замком. – Вы, я вижу, предаетесь праздной жизни? Тетку похоронят в среду.

Софья заметила, что Себастьяну не понравился раздраженный тон Анри, который, вероятно, ожидал, что прелестная соседка не только предложит ему моральную поддержку, но и возьмет на себя все хлопоты, связанные с организацией похорон.

Доктор сухо спросил:

– Ваш знакомый?

– Ах, что вы, Себастьян, – ответила несколько уныло Софья, – это племянник мадам Нивуа, той самой дамы, которая любезно приютила нас вчера ночью. Ну да, вы же не знаете...

– С ней что-то случилось? – равнодушно спросил Себастьян.

– Кошмарный несчастный случай, – ответила девушка. – Мадам утонула в ванне, ее обнаружил Анри, единственный горячо любимый племянник.

– Как печально, – промолвил доктор Хоуп.

Себастьян знал из совершенно надежных источников – кончина чересчур любопытной и не в меру назойливой мадам Нивуа не вызвала подозрений. Ему приходилось несколько раз за свою карьеру (а Себастьян сменил множество профессий – дамский ухажер, торговец наркотиками, брачный аферист, мошенник и вор) лишать жизни глупых людишек. Себастьян делал это без удовольствия, в отличие от некоторых своих знакомых, он не испытывал ни наслаждения, ни радости, отправляя на тот свет богатую супругу, завещавшую ему все свое состояние, или страхового агента, заподозрившего, что полис покойной супруги поддельный. Он даже жалел свои жертвы, но ведь такова жизнь: если не хочешь, чтобы тебя сожрали, приходится самому разевать клыкастую пасть.

У подъезда их ждал белый лимузин. Софья, на лице которой отразилось восхищение, недоверие и восторг, взглянула на Себастьяна, а тот распахнул дверцу и, легко поклонившись, произнес:

– Прошу вас, Софи!

– Но я думала, – произнесла Софья, коря саму себя за слова, которые были явно не к месту, – я почему-то думала, что мы прогуляемся до центра княжества.

– Софи, – произнес твердо доктор Хоуп, – после происшествия вчерашней ночью я не хочу, чтобы вы разгуливали по улицам Бертрана, в особенности в темное время суток.

Услужливый шофер в униформе распахнул дверцу с другой стороны, Себастьян оказался на сиденье из белой кожи рядом с Софьей. Автомобиль покати по улицам. Они въехали в центр, миновали здание оперы и казино и свернули в квартал, где располагались самые знаменитые и дорогие рестораны на Лазурном побережье.

Лимузин замер, шофер раскрыл перед Софьей дверцу, она ступила на фиолетовую, вышитую золотом ковровую дорожку.

Ресторан «Крылатый лев» по праву считался лучшим из лучших – шеф-повар раньше работал у Гримбургов, да и само заведение (во всяком случае, какая-то его часть) принадлежало царствующей династии – в ресторане можно было столкнуться с европейской знатью, американскими нуворишами, японскими владельцами компьютерных концернов и арабскими шейхами. Княгиня-мать регулярно заглядывала в «Крылатый лев», и даже сам Клод-Ноэль Гримбург несколько раз в год удостоивал его своим визитом, приводя вместе с собой того или иного известного политического деятеля, голливудскую актрису или интеллектуального писателя – претендента на Нобелевскую премию. Чтобы попасть в ресторан, требовалось не только обладать состоянием как минимум в пятьдесят миллионов долларов и являться хорошим знакомым правящего дома, но и прийтись по вкусу месье Пьеру – бессменному директору «Крылатого льва», которого за глаза прозвали «великим диктатором». Если кто-то из гостей, будь он всемогущим миллиардером или звездой шоу-бизнеса, впадал у него в немилость, то этот несчастный более не появлялся в «Крылатом льве»: по телефону ему каждый раз вежливо сообщали, что все столики и кабинеты зарезервированы.

– Как вам удалось? – спросила в удивлении Софья.

Себастьян усмехнулся:

– Вы хотите знать, как такому простому смертному, как я, всего-навсего частнопрактикующему психиатру, удалось заполучить место в этом райском местечке? Уверю вас, я, увы, не мультимиллионер, и родители мои не состоят в родстве с королевскими династиями. Однако мне повезло оказать некоторое время назад услугу одному из представителей рода Гримбургов, за что я могу в любой момент появиться в «Крылатом льве».

Софья кивнула, а Себастьян заговорщическим тоном продолжил:

– Не могу в силу клятвы Гиппократы раскрыть вам имя моего венценосного клиента, однако это и не важно. О, месье Пьер уже ждет нас!

Великая княгиня Беатрисса, как знала Софья, увлекалась парапсихологией и альтернативной медициной, не исключено, что Себастьян прибыл в Бертран, чтобы проконсультировать ее, а вовсе не для того (или не только для того), чтобы принять участие в конгрессе. Или его клиентка – Луиза-Аврора? А может, сам Клод-Ноэль?

Директор ресторана, крошечный человечек с поразительными рыжими усами, приветствовал Софью и Себастьяна как своих самых ценных гостей.

– Мадемуазель княжна, месье доктор, добрый вечер! Для «Крылатого льва» ваш визит – огромная честь!

Он проводил их к столику в середине зала. Софья осмотрелась: публика была рафинированной, она узнала нескольких интернационально известных бизнесменов, пару голливудских звезд, модного режиссера и представителей немецкой и итальянской аристократии.

Месье Пьер, сама любезность, принял заказ и улетучился. Софья произнесла:

– Себастьян, я... я так рада, что снова вижу вас!

– Софи, – ответил доктор Хоуп, – если бы вы знали, как вы мне дороги!

Он не обманывал: Карл Новак, уличивший Себастьяна в ограблении виллы одной из его пассий, заявил, что может забыть о случившемся и не сдавать его на руки полиции, если молодой человек, приняв личину «доктора Хоупа», примет участие в небольшом ночном представлении.

Себастьян знал, что с Карлом Новаком шутки плохи. Молодой человек не был посвящен во все подробности некоего плана (а что подобный существовал, он не сомневался), от него лишь требовалось влюбить в себя наивную Софью Ноготкофф-Оболенскую. Для этого и понадобился старый, как мир, трюк, в котором сам Себастьян выступал в качестве «благородного рыцаря», а его помощники, мелкие уголовники, ангажированные все тем же Новаком, «подлых бандитов». Спектакль удался на славу, Себастьяну не потребовалось прикладывать особые усилия, чтобы воспламенить сердце Софьи. Он сразу понял, что девушка принадлежит к разряду романтических красавиц: воспитанная в богатстве и оторванная от реальной жизни, она живет в таком искусственном мирке, мечтая о принце. Себастьян знал, что роль принца у него получается лучше всего, однако бывалые леди, с которыми он в основном имел дело, предпочитали не глупые сказки и сладкие речи, а решительные действия весьма неплатонического свойства. С Софьей подобная тактика была неподходящей, и Себастьяну было строжайше запрещено раньше времени укладывать ее в постель.

– Себастьян, расскажите мне о ваших родителях, – попросила Софья. – Я уверена, что у вас было счастливое детство!

– Вы правы, Софи, – ответил, на секунду задумавшись, доктор Хоуп. – Мои родители – лучшие на свете...

* * *

Отца он никогда не видел в глаза – мать зачала Себастьяна от одного из клиентов в пьяном угаре. Она уверяла, что он был джентльменом, но Себастьян считал, что тот, как и почти

все мужчины, навещавшие его мать, скорее всего, являлся малообразованным и грубым рабочим. Они с матерью жили в Бронксе, в крошечной страшной квартирке, и каждый день мальчику волей-неволей приходилось быть свидетелем того, как родная мать продает свое тело за гроши.

Она умерла, когда ему было четырнадцать – вернувшись из школы (мать, несмотря на то что под вечер всегда напивалась чуть ли не до бессознательного состояния, с утра внимательно следила за тем, чтобы Себастьян отправлялся на учебу), он обнаружил ее в луже засохшей крови. Она лежала на смятом грязном белье, с обнаженным торсом и задранной юбкой. Как установила полиция, кто-то нанес ей не менее двух дюжин ударов ножом – наверняка один из клиентов, не пожелавший платить или склонный к садизму. Убийцу так и не нашли. Да, собственно, его никто и не искал. Ведь жертва – всего-навсего шлюха! Себастьяна отправили в штат Алабама к двоюродной тетке, оказавшейся женщиной строгих нравов и помешанной на религии. Она твердила Себастьяну, что его мать – падшая женщина и вавилонская блудница, которую настиг правый гнев Господень, заставляла его часами молиться, стоя на коленях перед распятием, а стоило мальчику проявить характер, нещадно била старым кожаным ремнем с тяжелой стальной пряжкой. Через полгода, во время очередной проповеди, когда тетка стегала Себастьяна ремнем, он, выхватив его из рук старухи, накинул кожаную удавку ей на шею и затянул. Так он впервые убил человека. Отвернувшись, он слушал предсмертные хрипы тетки. Когда они стихли, Себастьян, стараясь не смотреть на покойницу, снял с нее золотое кольцо и крест, выпотрошил на кухне тайник – жестяную банку, в которой хранилось две тысячи долларов, и решил начать самостоятельную жизнь. Оставив зажженной свечу и открыв газовый вентиль, он сбежал. А день спустя узнал из газет, что его и тетку сочли погибшими в результате мощного взрыва, вызванного неполадками в газопроводе. Он вернулся в Нью-Йорк, и там началась его преступная карьера...

Вечер прошел замечательно – Себастьян много шутил, Софья с каждой секундой чувствовала к нему все возрастающую симпатию. Он рассказывал ей о своей лондонской практике и о том, что собирается написать книгу. Она завороченно слушала его и в какой-то момент поняла, что... что влюбилась в красивого доктора.

От внимания Себастьяна не ускользнуло, что Софья ловит каждое его слово, принимая рассказанное за чистую монету. Он добился того, что требовалось: девчонка готова выполнять любое его желание.

О том, что женщины сходят по нему с ума, Себастьян узнал рано. Он не чурался секса за деньги, и это помогало ему какое-то время перебиваться, когда две тысячи, украденные у тетки, закончились (а произошло это чрезвычайно быстро). Однажды ему не повезло – супруг одной из его клиенток, состоятельной дамы, вернулся раньше положенного домой и застукал ее в постели с подростком. Себастьяну не удалось сбежать, муж избил его до полусмерти, а затем, погрузив в багажник машины, вывез на какой-то пустырь и скинул в котлован.

Себастьян там бы и умер, если бы его не обнаружил странный субъект. Себастьян пришел в себя у него дома – на кровати, застеленной белоснежным бельем. Его спаситель, мистер Тоуки, был седым полным мужчиной лет шестидесяти, достаточно известным бродвейским критиком. Он полностью оплатил лечение Себастьяна и сделал так, чтобы полиция не заинтересовалась юношей. Мистер Тоуки любил проводить время со своим гостем – он садился в кресло около кровати и, время от времени посматривая на Себастьяна, декламировал ему стихи. Когда Себастьян поправился, спаситель, взяв его за руку, произнес:

– Тебе нечего делать на улице, Себастьян. Оставайся у меня. Я помогу тебе стать на ноги!

Мистер Тоуки, одинокий, богатый и влиятельный, оказался любителем подростков – комната его кабинета была увешана фотографиями голых мальчиков в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет, и Себастьян показался ему подарком небес. Поразмыслив, Себастьян решил остаться. Он возненавидел мистера Тоуки, однако, во-первых, ему некуда было идти, во-вто-

рых, мистер Тоуки мог сдать его полиции, а в-третьих... в-третьих, Себастьян рассчитывал получить состояние своего благодетеля.

Ему, конечно, пришлось уступить кое-каким извращенным желаниям мистера Тоуки, и через год с небольшим, когда журналист заявил, что составил завещание, согласно которому наследником всего его состояния является Себастьян, молодой человек без угрызений совести совершил второе убийство. Он, как ему казалось, весьма правдоподобно изобразил разбойное нападение на мистера Тоуки – тот любил шляться в темных проулках, выискивая бездомных ребятишек. Себастьян напал на него с ножом, похитил наличность и дорогие часы и вернулся домой. Однако полиция достаточно быстро установила, что за преступлением скрывается «воспитанник» мистера Тоуки. Когда Себастьяна пришли арестовывать, он сбежал по черной лестнице. Зная, что полиция разыскивает его, он отправился в Калифорнию – там без проблем можно было получить поддельные документы и с легкостью заработать большие бабки.

В Калифорнии Себастьян связался с фальшивомонетчиками и принялся за хорошо знакомое ремесло – утешение пожилых дам. Он не гнушался продавать наркотики и занимался грабежами, и каждый раз ему удавалось выйти сухим из воды. Он обладал несколькими удостоверениями личности и небольшой квартирой в Лос-Анджелесе.

Шли годы, он совершенствовал мастерство, но с беспокойством подумывал о том, что настанет момент, когда ему придется уступить место более молодым конкурентам. В конце концов Себастьян пришел к выводу, что ему требуется совершить какое-либо грандиозное преступление, которое обеспечило бы его расточительный образ жизни на многие годы или даже десятилетия. Колеся по Америке, он соблазнял богатых и одиноких дам. Себастьян выезжал и в Европу, предпочитая Лазурное побережье. Еще мистер Тоуки говорил, что он обладает великолепным талантом перевоплощения, и Себастьян с легкостью изображал из себя английского психиатра, датского журналиста или французского агента спецслужб – наивные женщины верили всем тем сказкам, которыми он потчевал их. Зная, что одна из его пассий, обладавшая виллой в княжестве Бертран, отбыла в Вену, Себастьян, много раз посещавший ее особняк, стены которого были увешаны бесценными картинами и где в сейфе хранились драгоценности на полтора миллиона долларов, решил воспользоваться подвернувшейся возможностью. Он заранее сделал слепки с ключей и обнаружил в записной книжке любовницы шифр, при наборе которого можно отомкнуть сейф. Он решил вынести из дома все, что только представляло интерес, и затем продать это, тем самым обеспечив себя на годы вперед.

И вот Себастьян припарковал неприметный черный фургон с крадеными номерными знаками около виллы, перебрался через ограду, открыл входную дверь и принялся выносить картины, статуи и драгоценные безделушки. Он и не представлял, что совершить ограбление будет так легко – любовница сама сообщила ему, как отключается сигнализация. В течение всей ночи Себастьян грузил в фургон шедевры. Он покинул виллу под утро утомленный, но счастливый – еще бы, он сделался обладателем предметов искусства стоимостью как минимум в десять, а то и двадцать миллионов. Этого ему хватит надолго. Ну а потом, если потребуется, он снова выйдет на охоту.

Себастьян, уверившись в собственной ловкости и хитрости, не думал, что продажа краденого станет для него опасной. Он знал нескольких людей на Лазурном побережье, которые, не задавая лишних вопросов, приобретали драгоценности и картины. К одному из таких он и обратился. Худосочный хмырь с галстуком-бабочкой, ознакомившись с фотографиями вещей, которые Себастьян похитил, причмокнул губами и заявил:

– Я кое-что возьму, например, этого Дега и Матисса. Получите за них триста тысяч.

– Они стоят по меньшей мере четыре миллиона! – взвился Себастьян.

Скупщик краденого усмехнулся:

– Я бы сказал, что все шесть. Но вы не сможете предложить их ни на один из аукционов – ведь картины, если не ошибаюсь, являются собственностью баронессы фон Монк. Сама она находится сейчас у себя на родине в Австрии, а вы...

Себастьян, припертый к стенке, принял условия наглого вымогателя и тем же вечером привез картины. Но вместо обещанных денег его ожидали несколько «костоправов», которые, избив Себастьяна, погрузили в машину и куда-то повезли. Молодой человек подумал, что пришел его смертный час – наверняка скупщик краденого подключил своих дружков-киллеров.

Себастьяна извлекли из багажника и приволокли в небольшой особняк. Там его встретил высокий мужчина с абсолютно лысой головой, черными бровями и загадочно мерцающими близко посаженными глазами.

– Ты ограбил баронессу фон Монк, – заявил этот тип, – вот в чем твоя ошибка. Покуда ты спал с богатыми дамочками, чьи мужья находились в деловых поездках, я тебе не мешал. Но теперь ты совершил преступление на моей территории, причем дерзкое, и наступила пора понести наказание.

Он положил на стол пистолет, и Себастьян в ужасе подумал, что смерти не избежать. Подумав, тип добавил:

– В мою обязанность входит следить за тем, чтобы подобные тебе жулики и аферисты не тревожили покой богатых гостей княжества. И, в отличие от полиции, я не церемонюсь с такими, как ты. Знаешь, что тебя ожидает?

Себастьян затрясся. Заикаясь и путаясь в словах, он попытался объяснить, что не желал вторгаться на территорию, подконтрольную этому субъекту. Тот, ничего не отвечая, слушал. Себастьян смолк, понимая: пощады не будет.

– Меня зовут Карл Новак, – произнес, закуривая, тип. – Тебе знакомо мое имя?

– Вы – начальник охраны Гримбургов, – выпалил Себастьян.

У него засосало под ложечкой: о Карле Новаке ходило много различных слухов, и все они были пугающими.

– Да, я охраняю великокняжескую династию, а также и весь Бертран, – заявил тот. – Слежу за тем, чтобы личности вроде тебя не превратили эту милую крошечную страну в свинарник. Если кто-то и имеет право совершать преступления в Бертрране, то только с моего согласия. Ты понял?

Новак, подойдя к Себастьяну, всунул ему в рот дуло пистолета. Молодой человек всхлипнул, начальник охраны, улыбаясь, спустил курок. Раздался сухой щелчок, Себастьян повалился на пол. На какое-то мгновение ему показалось, что он умер и находится на том свете – перед глазами пронеслись картинки, что засели у него в голове: тело матери на окровавленных простынях, тетка с ремнем на шее, мертвый мистер Тоуки...

– На твое счастье, пистолет не заряжен, – ухмыльнулся Карл Новак, – я решил пощадить тебя. Мои ребята перерыли твою квартиру и нашли ценности, похищенные с виллы баронессы. Ни полиция, ни сама владелица понятия не имеют об ограблении. Они и не узнают, потому что ты собственноручно развесишь все картины по стенам, а драгоценности положишь обратно в сейф.

– Хорошо, – выдохнул Себастьян. Он никак не мог поверить в то, что Новак сжалился над ним. Но почему?

– Ты сейчас наверняка задаешься вопросом, отчего я решил сохранить жизнь такой ничемности, как ты, – пустив Себастьяну в лицо дым, произнес Карл Новак. – Ты потребуешься мне для одной работенки. Если все выгорит, ты получишь неплохое вознаграждение и останешься в живых, а если нет...

Он угрожающе замолчал. Себастьян судорожно кивнул головой и прохрипел:

– Я сделаю все, что вы прикажете.

– И не думай пуститься в бега или обмануть меня, – заявил Новак. – Я найду тебя в двадцать четыре часа, и тогда мой пистолет окажется заряженным. Паспорта с твоей фотографией и различными именами пока что останутся у меня. А сейчас вместе с моими ребятами поедешь на виллу баронессы и расставишь все по своим местам.

Себастьян поступил так, как от него требовал начальник дворцовой охраны. Когда над побережьем поднялось солнце, жилище баронессы приняло прежний вид: картины висели на стенах, статуи стояли в нишах, драгоценности покоились в сейфе. Себастьян хотел оставить себе хотя бы бриллиантовый браслет (он знал, что баронесса терпеть его не может и никогда не надевает, возможно, его исчезновение останется незамеченным), но «гориллы» Карла Новака внимательно следили за тем, чтобы молодой человек вернул все ценности, и он поборол искушение. Ему было милостиво разрешено вернуться в отель, где он снимал номер, и велено ждать распоряжений.

* * *

– Мы еще встретимся с вами? – спросил Себастьян, когда приятный вечер в ресторане подошел к концу.

Софья вздохнула:

– На следующей неделе я уезжаю из Бертрана, однако... я надеюсь... это не станет помехой...

– О, во вторник мне придется улететь в Южную Америку, – заявил Себастьян. – Меня ждут кое-какие дела в Эльпараисо.

– В Эльпараисо? – не веря своим ушам, переспросила Софья. – Но ведь и я направляюсь туда же! Какое небывалое совпадение, Себастьян! Возможно, вы слышали о выставке великокняжеских драгоценностей, устраиваемой в столице Коста-Бьянки. Я – заместитель ее куратора.

– Да, да, что-то читал об этом в одном из последних выпусков «Голоса Бертрана», – ответил Себастьян. И тут же проникновенно добавил: – Если судьба так благосклонна к нам, Софи, то воспользуемся ее добротой! Я пробуду в Эльпараисо полторы или две недели – мне требуется собрать материал для моей книги. В каком отеле вы остановитесь?

– В «Эксельсиоре», – ответила Софья.

– Не может быть! – весьма достоверно изумился Себастьян. – Я тоже заказал там номер! Говорят, это лучший отель Эльпараисо.

Он врал – то, что Софья Ноготкофф-Оболенская будет проживать в «Эксельсиоре», ему сообщил Карл Новак неделю назад. Себастьян изнывал от безделья, прогуливаясь по набережной княжества и зная – за ним следят двое подручных Карла Новака. Он не мог наведаться ни в ресторан, ни в казино: денег практически не было, паспорта находились в руках шефа охраны Гримбургов, и сбежать из Бертрана было невозможно. Да и куда? Он знал, что угрозы Новака – не пустой звук, стоит ему унести ноги с Лазурного побережья, как тот разыщет его и прикончит.

Карл Новак явился к нему вечером и, швырнув Себастьяну на колени конверт из желтоватой бумаги, произнес:

– Познакомься с особой, которую тебе придется очаровать.

Себастьян увидел изображения молодой женщины лет двадцати четырех – двадцати пяти: вьющиеся каштановые волосы, темно-синие глаза, идеальная фигура. Что-то знакомое было в ее чертах. Фотограф, наверняка снимавший девушку тайно, захватил различные моменты – вот она выходит из дома, делает покупки в супермаркете, проводит экскурсию в музей...

– Я не специализируюсь на столь юных особах, – ответил Себастьян. – Дамы, которые находят утешение в моих объятиях, раза в два старше, да и...

Новак ударил его по лицу и жестко произнес:

– Ты будешь делать то, что я приказал. Ее зовут Софья Ноготкофф-Оболенская, она – княжна.

– А, теперь я понял, откуда мне знакомо ее лицо! – вспомнил Себастьян. – Ее бабка – та самая русская княгиня, которая живет в Бертроне, да? И что вы хотите от нее? Я должен соблазнить малышку и вывести у нее код сейфа на вилле бабки или узнать, где лежат ключи от музея, в котором она работает?

Новак отрезал:

– Сделай так, чтобы Софья влюбилась в тебя, однако действуй осторожно. Напора пока что не требуется.

– Легко сказать «сделай так, чтобы влюбилась», – пробормотал Себастьян. – Мои клиенты не забивают себе голову подобными глупостями, им просто требуется хороший секс. А зачем вам понадобилась малышка?

– У тебя есть три дня, чтобы подобраться к ней, – проигнорировав вопрос Себастьяна, ответил Новак. – И не забывай, от успеха будет зависеть то, останешься ты в живых или нет.

– Мне потребуется помощь, – заявил Себастьян. – Думаю, придется разыграть старую пьесу и презентовать себя малышке Софи рыцарем на белом коне и в сияющих доспехах.

* * *

Последующие три дня прошли в суматохе. Софья сопровождала сеньора Луардеса, который готовился к переправке драгоценностей Гримбургов за океан, посетила в клинике бабушку. Елизавета Георгиевна чувствовала себя много лучше и оповестила внучку:

– Я составила завещание, по которому ты и Ада становитесь наследницами. Теперь-то могу спокойно умереть.

– Бабушка! – воскликнула Софья. – Пожалуйста, не говори такие ужасные вещи! Ты уверена, что я могу полететь в Коста-Бьянку?

– Ну конечно же, – успокоила внучку старая княгиня. – Или ты думаешь, что я заставлю тебя сидеть около собственной кровати и слушать мои бесконечные воспоминания? Я горжусь тобой! Отправляйся в Южную Америку и ни о чем не думай! Так и быть, я задержусь на этом свете еще пару годков – хочется увидеть, как ты сменишь спесивую Эстеллу на посту директора музея изящных искусств.

– Нет, бабушка, – покачала головой Софья, – вряд ли это когда-нибудь случится. Ты же знаешь, что Эстелла фон Лаутербрах является признанным авторитетом...

Старая княгиня улыбнулась и перебила ее:

– Открою тебе тайну: меня навещала Беатрисса и намекнула, что... что великий князь подумывает об организации нового музея, и даже готов передать в него многие из шедевров, являющиеся семейной собственностью. В княжестве возникнет еще один, грандиозный, музей, который привлечет туристов и меценатов – ты же знаешь, что в казне хронически не хватает денег. Эстелла, уверена, захочет во что бы то ни стало занять кресло директрисы нового хранилища ценностей, но мне удалось убедить Беатриссу, что на эту должность подходит и моя старшая внучка.

– Невероятно! – воскликнула Софья. – Бабушка, ты уверена, что...

– Что ты возглавишь новый музей? – спросила Елизавета Георгиевна. – Беатрисса согласна со мной, что настают новые времена, и если ты станешь директрисой, то это подстегнет к нему интерес. Молодая прелестная княжна всегда лучше напыщенной унылой особы средних лет, которая приобрела дворянский титул посредством удачного замужества. После

выставки в Эльпараисо, которая, я верю, увенчается успехом, будет официально объявлено о создании нового музея. Думаю, в начале нового года все узнают имя его главы – Софья Ноготкофф-Оболенская!

Софья старалась не думать о том, что сообщила ей бабушка. Она с головой погрузилась в приготовления к отлету. В Эльпараисо ее ожидает не только интересная работа, но и Себастьян...

* * *

Самолет военно-морских сил республики Коста-Бьянка стартовал из Ниццы в ночь со вторника на среду. За несколько часов до взлета вереница бронированных автомобилей преодолела сорок с небольшим километров, которые разделяли Бертран и Францию: они доставили на борт заключенные в металлические ящики сокровища династии Гримбургов.

Аэропорт был оцеплен полицейскими, Карл Новак лично следил за безопасностью во время транспортировки сокровищ. Яркие прожектора освещали летное поле, представители страховой компании – тренированные мужчины в темных костюмах – извлекали ящики из бронированных автомобилей и бережно переносили их в самолет. Каждый из ящиков был оснащен часовым швейцарским замком.

– Согласно метеосводке, погода над Атлантикой отличная, – заметил сеньор Луардес.

Карл Новак усмехнулся:

– Даже если самолет и потерпит крушение, что вообще-то невозможно, то сокровища просто так не исчезнут: каждый из ящиков снабжен миниатюрным передатчиком, сигналы которого ловит один из американских военных спутников.

Погрузка заняла около часа. После этого Софья и сеньор Луардес заняли места в салоне – им предстоял многочасовой перелет через океан. Эстелла планировала прибыть в Коста-Бьянку непосредственно перед открытием выставки, назначенным на второе апреля.

В ноль часов сорок семь минут самолет получил разрешение на взлет. Закрыв глаза и вцепившись в подлокотники сиденья, Софья вслушивалась в мерное завывание турбин – она, как и ее бабушка, испытывала непреодолимый страх перед полетами на самолетах.

Они приземлились в военном аэропорту Эльпараисо спустя девять с половиной часов – в Южной Америке длилась все та же ночь. Софья, чувствуя себя невероятно усталой, автоматически следила за тем, как ящики с драгоценностями грузятся в инкассаторские машины. Ее и директора местного музея ждал «Мерседес», доставивший их к отелю «Эксельсиор».

– Выспитесь как следует, мадемуазель, – посоветовал ей на прощание сеньор Луардес. – Завтра вечером, после закрытия музея, я жду вас у себя, и мы приступим к священнодействию – размещению экспонатов в витринах!

Первым делом Софья позвонила в Бертран. Узнав, что с бабушкой все в порядке и услышав ее бодрый голос, Софья последовала совету сеньора Луардеса и проспала как убитая десять часов подряд. Приняв душ, она заказала в номер завтрак. Из окна ее номера, расположенного на тридцать шестом этаже, открывался небывалый вид: изумрудный океан, лазоревое небо, небоскребы, дорогие особняки и жалкие лачуги на утопающих в зелени холмах.

Узнав от администратора, что доктор Себастьян Хоуп еще не прибыл, Софья, облачившись в легкий льняной сарафан, отправилась на прогулку по Эльпараисо. Ей бросились в глаза военные патрули и танки – власть в республике находилась в руках военной хунты, осуществившей несколько лет назад переворот. Коста-Бьянка поставляла на мировой рынок нефть и изумруды, поэтому западные правительства быстро признали нового президента и закрыли глаза на ущемление гражданских прав населения и диктатуру. Многих туристов Коста-Бьянка привлекала мягким климатом, длинными пляжами и относительно дешевыми отелями.

Столица представляла собой удивительную смесь богатства и нищеты – Софья видела роскошные лимузины, из которых выходили облаченные в нарядные, модные туалеты и украшенные драгоценностями дамы, решившие посетить элитные лавки, а рядом – чумазных детей, просящих милостыню. Коста-Бьянка, как и все страны Южной Америки, являлась раем для богатых и адом для бедных. Здания были украшены призывными лозунгами, восхвалявшими генерала-президента, и полотнищами с его свирепой физиономией.

Попутно княжна выполнила поручение Эстеллы – директриса перед отлетом вручила ей портфель и попросила разместить его в одном из эльпараисских банков. Софья депонировала ячейку на свое имя и положила в нее портфель, в котором, как сказала Эстелла, содержатся важные страховые документы. Процедура заняла не более получаса.

Наконец Софья подошла к историко-художественному музею, поднялась по ступенькам и попала в большой прохладный холл. Она прошла по залам, отметив, что музей обладает несколькими шедеврами и большим количеством дилетантских работ, затем обратилась к одному из зрителей.

Через пару минут в зал вбежал директор музея. Сияя, как будто увидел если не любимую родственницу, так давнюю знакомую, сеньор Луардес расцеловал Софью в обе щеки и воскликнул:

– Мадемуазель, вы ранняя пташка. Я ожидал вас через несколько часов. Пока в музее посетители, мы не будем приступать к... – Он понизил голос и прошептал: – К извлечению драгоценностей и размещению их в витринах! Ящики уже здесь, в подвалах музея. Не стоит волноваться – их надежно охраняют. Никто и никогда не сможет похитить их!

Сеньор Луардес проводил Софью в свой кабинет, предложил лимонад и принялся рассказывать о предстоящей выставке. Девушка не прерывала его. Наконец раздалась трель звонка. Сеньор Луардес, бросив взгляд на настенные часы, заметил:

– Без четверти семь, музей закрывается через пятнадцать минут. Наконец-то мы можем приступить к нашей восхитительной миссии!

В начале восьмого в кабинет директора заглянул один из зрителей и доложил, что музей пуст. Радостно потерев руки, сеньор Луардес воскликнул:

– Мадемуазель, разрешите проводить вас в святая святых моего музея!

После долгого путешествия по безлюдным залам Софья и директор оказались на третьем этаже. На двери висела табличка: «Вход посторонним строгойше запрещен». Сеньор Луардес с гордостью пояснил:

– Под выставку драгоценностей Гримбургов отведен целый этаж. Газеты в течение последних месяцев только о ней и пишут.

– А вы не боитесь, что подобная рекламная кампания привлечет внимание грабителей? – спросила Софья.

Сеньор Луардес отмахнулся:

– О, министр внутренних дел лично инспектировал музей и остался доволен системой защиты. Так и быть, мадемуазель, я продемонстрирую вам, что наш музей ни в чем не уступает ведущим европейским и американским.

Приоткрыв огромную дверь, сеньор Луардес пропустил Софью в просторный зал. Он был уставлен пустыми стеклянными витринами, огороженными небольшими столбиками, между которыми были натянуты канаты. Директор прошествовал к одной из них, располагавшейся в центре зала, и сообщил:

– Огнеупорное бронированное стекло. Выдерживает выстрел с близкого расстояния. Чтобы вскрыть одну из таких витрин, потребуется не меньше двух часов. Здесь мы поместим рубин «Глаз Левиафана», один из центральных камней экспозиции.

Директор перелез через ограждение, постучал носком ботинка по паркету и сказал:

– Здесь и располагается сигнализационная система. Смотрите...

Он поддел квадратную пластину, та отскочила в сторону. Софья увидела несколько рядов кнопок и крошечных рычажков.

– Подойдите ко мне! – приказал директор, и Софья приблизилась к витрине. Директор нажал одну из кнопок, лампы в зале погасли, остались гореть только несколько фонарей под потолком.

– Предположим, вы грабитель, который проник в музей и пробрался на третий этаж, – заявил самодовольно сеньор Луардес. – Вы подходите к двери, открываете ее – она не заперта – и видите витрины, в которых покоятся драгоценности. Вы делаете шаг, всего один-единственный, и...

Директор повернулся, и в ту же секунду раздался оглушающий трезвон. Пересиливая его, сеньор Луардес прокричал:

– Инфракрасные лучи, не видимые невооруженным глазом, пронизывают все помещение. Вот, убедитесь сами!

Он вытащил из кармана пиджака темные очки странной формы. Надев их, Софья увидела темно-красные лучи, пересекающие весь зал под различными углами.

– Обычно в фильмах показывают, что ловкие грабители умудряются пролезть между лучами и похитить шедевр, но в моем музее такое невозможно – расстояние между лучами не превышает тридцати сантиметров, и ни одному акробату в мире не удастся преодолеть расстояние в тридцать метров от двери до центральной витрины, чтобы отключить приборы, проецирующие лучи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.